

10

РАБОТНИЦА

1963

ОКТАБРЬ

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ 46-я ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!**

«ШТУРМ ЗИМНЕГО». Диорама работы Е. Дешалыта. (См. стр. 8.)

КЪ ГРАЖДНАМЪ РОССІИ!

Временное Правительство низложено.
Государственная власть перешла въ руки органа
Петроградскаго Съѣта Рабочихъ и Солдатскихъ
Депутатовъ, Военно-Революціоннаго Комитета,
стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата
и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся на-
родъ: немедленное предложеніе
демократическаго мира, отмена
помѣщичьей собственности на
землю, рабочей контроль надъ
производствомъ, созданіе Со-
вѣтскаго Правительства — это
дѣло обезпечено.

Да здравствуетъ революція рабочихъ,
солдатъ и крестьянъ!

Военно-Революціонный Комитетъ
Петроградскаго Съѣта Рабочихъ и
Солдатскихъ Депутатовъ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал

ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

10

ОКТАБРЬ

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

С годовщиной Октябрьской вас!

Строй полотниц колыхнется в воздухе,
Как ряды парусов на волне.
Это Красная Армия лозунгов
Марширует по нашей стране.

Площадями шагают просторными
Эти лозунги-большевики,
Начинавшие главы истории
Нашей Родины с красной строки.

В шуме праздников, в грохоте буден,
В снежных вихрях, в багровом дыму —
Вы повсюду верны своей сути,
Вечно цвету верны своему.

Сколько вами великого создано!
Вы плывете рядами по воздуху,
Блеском шелковым радуя глаз.

Дорогие товарищи лозунги,
С годовщиной Октябрьской вас!

Год рождения — 1917

Шелка знамен, расплесканные
ветром...

Неужто это было наяву?
Родясь на свет,
я, сморщившись от света,
Не понимала, что уже живу.

А на путях, за улочкой пугливой,
Рвались снаряды, грохотала медь:
Там шли на смерть,
чтоб я была счастливой,
И понимали, что идут на смерть.

Рисунки Н. Гордейчина.

В театре

Все это правда. Мы свидетели,
Как шли в тельняшках грозным строем
«Оптимистической трагедии»
В ночи воскресшие герои.

Пусть это было лишь виденьем,
Но их актеры так играли,
Что мы на бархатных сиденьях
В окопах с ними умирали.

И в зале после окончания
Дивились роскоши и свету,
И с нами долго шло молчание
По чуть скрипящему паркету.

И боль была. И вдохновение.
Нас полночь тихая встречала.
И город в синем отдалении —
Как звездный крейсер у причала.

«Станция Оля»

В летнее утро — под щебеты
птички,
Осенью — в слякоть,
по снегу — зимой
Школьница Оля с портфелем
коричневым
К насыпи сходит тропинкой прямой.

Школы в поселке еще не построили,
Некуда там на учење ходить.
Долго родные Москву беспокоили:
Как, мол, с учением девочки быть?

Мол, целина, расстояния дальние,
В школу района пешком не дойти.
И машинист по заданью
специальному
Стал останавливать поезд в пути.

И у лужайки, поросшей осокою,
Только гудок загудит в небосклон,
Оля
ступеньками круто-высокими
Входит в надышанный, тесный вагон.

В школе за партою пишет,
старается,
А за окном, где раздолье огням,
С грохотом в гору страна
поднимается
По высоченным крутым ступеням.

Мчатся составы дорогами длинными,
Люди свершают свой будничныи
труд,
И остановку средь поля целинного
Попросту «Станция Оля» зовут.

Ирина ВОЛОБУЕВА

Товарищ по детству

Мой товарищ по детству,
мальчишка вихрастый,
У жюльверновских книг,
у фантазий в плену,
Преодо мною, девчонкой, я помню,
он хвастал:
— Подрасту вот, тогда полечу
на Луну!

— Ну, а я?
И всегда на вопрос мой тревожный
Отвечал он, обидной ухмылкой
дразня:
— Ну, куда вам, девчонкам,
придумала тоже!
И, прищурясь, глядел свысока
на меня.

Мой товарищ по детству —
отчаянный парень,
Я уверена, верный давнишней
мечте,
Он до звезд долетел бы,
как Юрий Гагарин,
До Луны долетел бы,
да годы не те...

Но, полет Терешковой
торжественно праздную,
Он, я знаю, был счастлив
за нашу страну,
Где какая-то девочка,
новостью хвастая,
Во дворе пареньку заявляла
вихрастому:
— Подрасту, вот тогда полечу
на Луну!

На трибуне

В микрофоне, не знаящем будней,
Словно булькает робко вода.
В зале — мама.
Меня на трибуне
Не видала она никогда.

Натянула жакет на плечи...
Как движенья ее тихи!
Сдвинуть гору
и то бы легче,
Чем читать перед ней стихи.

Люди слушают чинно, серьезно.
Хоть бы в лицах ни тени тоски!
Ведь сейчас мне гораздо нужнее,
чем воздух,

Одобрительные хлопки.
И я жду их с тревогою душной
И сквозь строки глазами прошу:
«Ну не будьте ко мне равнодушны,
Я такое еще напишу,

Одержимою буду, упрямой
И такие слова найду!
А сейчас, понимаете, мама...
Там вот, слева, в шестом ряду».

ВАШ

А. И. РОДИОНОВА,
член КПСС с 1917 года

Получив свежий номер «Работницы», наши читатели отправляются в путешествие по страницам журнала. Но сегодня давайте откроем не только этот еще пахнувший типографской краской номер, а заглянем и в чуть пожелтевшие, тронутые временем листы «Работницы», вышедшей 46 лет назад, в памятный 1917 году. Мы найдем здесь заметки, подписанные «А. Родионова». Кто эта женщина? Что заставило ее взяться за перо в том незабываемом году? Как сложилась судьба нашего корреспондента после Октября?

Мы разыскали Александру Ивановну Родионову в Ленинграде. Живет она по-прежнему на Васильевском острове, на Гаванской улице, близ Шкиперской протоки.

Вот ее рассказ.

КОРРЕСПОНДЕНТ

Каждая улица родного Ленинграда напоминает Александре Ивановне о героическом прошлом...

Фото Г. Дубинского.

У нас в доме пахло уксусом и мылом: моя мать была прачкой, а отец — чернорабочим на уксусном заводе. Руки у матери всегда были красные, растрескавшиеся и припухшие. Я разносила выстиранное белье по домам, а став постарше, пошла работать в подвал, за 15 копеек в день разливала уксус в бутылки.

Жизнь для меня тогда делилась надвое: дома нищета, неграмотные родители, работа с рассвета до ночи, а за толстыми дверьми, куда я носила белье, — светлые, залитые солнцем комнаты, чужое сытое благополучие.

В 1914 году мужчин мобилизовали на фронт, и я устроилась кондуктором

на конку. Считать я умела плохо, наняла за гроши студента, такого же нищего, как я, он занимался со мной: ведь надо сдавать сдачу, а главное, подсчитывать выручку.

Едет, бывало, двухэтажная конка мимо Путиловского завода. Утром и после работы тьма-тьмуца народ. Разве успеешь тут всем билеты продать, углядеть за каждым? Толчея такая, что никак не протиснешься. Спасибо заводским ребятам, помогали. Крикнул мне, бывало: «Эй, кондуктор, давай-ка шапку!» Сдерну я шапочку с головы, и пошла она ходить по рукам, только медяки звенят. Я запомнила эти руки, добрые они были, мозолистые, темные от вьешшегося металла. А потом билетов с катушки нарву, и мои пассажиры уж сами передают их друг другу.

Александра Родионова, кондуктор трамвая. 1917 год.

Мое начальство не знало, что у меня столько помощников. Видят, справляюсь, и перевели меня работать на трамвай. Тогда это было в новинку.

По 12—14 часов работала без перерыва, на перекуску времени не давали. Денег по-прежнему приносила домой гроши.

Это были тревожные годы. Неспокойно жил наш город. Выеду, бывало, еще затемно, улицы пустынные, и вдруг — стоп. Это, оказывается, новый отряд идет на фронт. Или заедем в рабочий район и ползем совсем тихо: кругом толпы народа, повсюду митинги. Мне и в трамвае слышно, как кричат: «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Образования у меня не было, но понимала, что это народ борется за свободу, за правду.

У нас в трамвайном парке в 1916 году тоже все бурлило. Управляющим городскими железными дорогами был тогда инженер Марков. Вот был депот! Мы подали ему прошение, требовали увеличить зарплату, — уж очень жизнь была дорогая. В ответ — отказ. Вот тогда и началась первая в моей жизни забастовка, в которой и я участвовала. Одним из наших руководителей был Александр Павлович Леонов, замечательный большевик, отдавший потом жизнь за Советскую власть. После его смерти наш парк стал называться его именем.

Забастовка кончилась нашей победой. Зарплату нам увеличили, Маркова сместили с должности. Мы, конечно, радовались, но очень скоро поняли, что эти уступки в нашей жизни крутого переворота не сделали, как жили нам тяжело, так и осталось.

Пришел семнадцатый год. Мне из

трамвайного окошка многое было видно, как на ладошке. Едем мимо мертвых, остановившихся заводов, мимо длинных очередей за хлебом, подолгу стоим, когда на пути встречаются митинги.

22 февраля, когда мы, кондукторы, сдавали ночью деньги, видим, в стороне у ворот стоят солдаты с винтовками, а на следующий день они уже разгуливали в кондукторском зале и во дворе.

Мы стали выходить из парка для посадки в служебные вагоны, вдруг видим: навстречу нам идет толпа рабочих с криком: «Открывай ворота парка! Сегодня все заводы в нашем городе бастуют и трамваи не ходят».

Забастовки захлестывали город. Под ударом народных масс, вдохновляемых большевиками, рушилась монархия Романовых.

Большевики сразу стали наводить порядок, во всех трамвайных парках шли выборы местных комитетов. У нас выбрали одних мужчин и меня, женщину. Сразу же был создан и Центральный комитет работников городского хозяйства (так тогда назывался руководящий центр профсоюза работников городского хозяйства Петрограда). Меня тоже выбрали.

Помню, в апреле 1917 года у нас в парке проходило общее собрание. Этот день сыграл большую роль в моей жизни: впервые познакомилась я с журналом «Работница». Александр Павлович Леонов, председатель нашего комитета, рассказал тогда, что у работниц есть свой боевой журнал. Но

Начальник военного госпиталя А. Н. Родионова (слева) с выздоравливающими бойцами. Ленинград, 1944 год.

журналу трудно, средств у него нет, время ведь было тяжелое. Вот мы все и решились отчислить свой трехдневный заработок. Подошел ко мне Леонов и говорит: «Отвези-ка деньги в редакцию, познакомься там с людьми».

Наш Загородный проспект знаете? Длинный он, предлинный. Сейчас в начале его стоит метро, а тогда я шла пешком, разыскивала дом № 22. Вот и знаменитые пять углов, где, словно пять лучей, в разные стороны расходятся пять улиц. Тут, неподалеку, и редакция, куда я несла деньги.

Встретили меня приветливо. Николаева, Самойлова, Кудели долго меня расспрашивали, а потом дали пачку журналов и попросили их раздать в парке.

Прошло несколько дней, и меня опять потянуло в редакцию. На этот раз унесла я из редакции пачку объявлений. В объявлениях напечатано, где, когда, какие митинги и собрания. Раздала их вожатым и кондукторам: «Расклейте по дороге, пожалуйста».

Так и зачастила я после работы на Загородный проспект в «Работницу». Холодина там стоял страшный, но я это замечала только ночью, когда заочевать там приходилось: засидишься допоздна, а трамваи все ушли в парк.

В редакции мне все говорили, что надо писать в журнал и привлекать других женщин. Мне, конечно, очень хотелось напечатать заметку, но боялась, что у меня не выйдет. Как останусь, бывало, один на один с чистым листом бумаги, робею, ничего не получается. Мыслей в голове много, а вот на бумагу никак они не хотели ложиться.

Но так только сначала было. Потом я стала, не мудря, рассказывать, как мы работаем в парке. Писала о том, что нас больше всего волновало: про длинный рабочий день, про то, что нет перерывов на еду. И заметки мои печатали.

Большое событие произошло тем летом в моей жизни: я вступила в партию большевиков.

Времени у меня для работы в редакции оставалось, конечно, мало. В трамвайных парках организовывали отряды Красной гвардии. Нас учили владеть оружием, оказывать первую помощь.

После июльских событий Временное правительство отдало строжайший при-

каз о разоружении рабочих. Но наша партийная организация сумела спрятать в парке 42 винтовки и много другого оружия. С этим оружием в канун Великого Октября и сражались красногвардейцы парка.

Каждый из нас знал, что он должен делать. Леонов передал мне ключ от склада оружия и поручил выдавать оружие нашим красногвардейцам. По звонку из районного комитета партии я выпустила из парка две платформы с пулеметами. Эти пулеметы участвовали во взятии Зимнего.

Для наших постов был отведен участок по Университетской набережной, до середины Дворцового моста. Когда я пошла проверять свой посты, было темно, дул ветер, и вдруг все озарило огонь. Это был исторический залп «Авроры». Замерла я, потрясенная, и все шарилась вокруг руками, искала трамвайный столб, к которому можно было бы прислониться. А внутри все во мне билось.

После Октябрьского переворота, когда Керенский двинул на Петроград казачьи отряды во главе с генералом Красновым, весь пролетариат поднялся на борьбу. Отряды Красной гвардии, санитарные отряды отправились под Пулково бить врага, меня тоже послали с санитарным отрядом от нашего парка. Здесь, под Красным Селом, мы узнали о печальном событии: убила секретарь нашего районного комитета партии Вера Клементьевна Слуцкая.

Смерть часто вырывала людей из наших рядов. Через полгода у деревни Лисино, за станцией Елизаветино, на юденическом фронте погиб Александр Павлович Леонов. Дорогую цену платила партия за свободу народа, за счастье...

Шел 1918 год. В Москве собирался первый Всероссийский съезд женщин. На съезд выбрали от Василеостровского парка кассира Анну Андреевну Алексееву и меня. Посланцев Петербурга отправили в Москву в роскошном поезде, к перрону подкатил состав, в котором раньше только царица Александра Федоровна ездил. Внутри в вагонах стены шелком затянуты, все в тканых цветах.

На всю жизнь запомнила я Колонный зал Дома союзов, товарища Свердлова, который открывал съезд, и подруг своих — женщин...

Я сидела в президиуме в последнем ряду, а возле было свободное место. Вдруг вижу: подошел Владимир Ильич Ленин и сел рядом. У меня сердце сразу застучало. А он посмотрел в зал и спрашивает меня: «Откуда вы?» Отвечаю: «Из Петрограда». «Где работаете?» «В трамвайном парке». «Вы грамотная?» «Не совсем...» «Учиться надо».

Вот и весь разговор, а душу он мне разбередил надолго, навсегда. Задумалась я над словами Ленина. Сажу, слушаю, а у меня они из головы не выйдут. Домой приехала, много раз рассказывала в парке о съезде, и очень мне хотелось, чтобы все люди поняли, близко к сердцу приняли ленинскую мысль о необходимости учиться. Мне она с тех пор стала как звездочка в пути.

Как дальше моя жизнь сложилась? Работала я вожатым трамвая, яслями

в парке заведовала, а потом пошла учиться. Окончила рабфак, медицинский институт, работала врачом.

Блокаду пережила в Ленинграде. Мужа на войну не взяли: зрение у него плохое. Его послали в Кемерово работать на завод, а я стала начальником госпиталя.

Оттремела война. Госпиталь наш расформировали. В разные концы страны разъехались люди, которые стали мне дорогими и близкими. А я вместо госпиталя стала ездить теперь в заводской здравпункт — заведующей меня назначили.

Много людей бывало у нас в здравпункте: страшные следы войны, ее жестокие отметины тянулись и в нашу мирную жизнь. А здравпункт был маленький, слабенький — словом, плохой помощник большому заводу. Не сразу это, конечно, случилось, но пришел такой замечательный день, когда мы в новую поликлинику переехали.

Бывает так: встретятся два человека, и протянется между ними какая-то невидимая ниточка.

Ко мне на прием пришел как-то юноша, лет 17 ему было, а на гимнастерке «Орден Славы». Он устраивался на завод.

Володя — сирота, родители погибли в блокаду в осажденном Ленинграде. А он в это время был на фронте. Его долго не брали, он изо дня в день ходил в военкомат и убеждал: «Посмотрите, какой я крепкий, сильный, здоровый!» И его взяли в танковую бригаду. Он воевал, как герой, и был тяжело ранен в позвоночник. Год лежал в Чите, руки и ноги у него не двигались.

А когда после операции Володе стало лучше, он начал рваться в родной город. Врачи отговаривали: «Ехать-то не к кому, ни родных у тебя, ни дома». Но сами-то хорошо понимали: неизвестно, что для Володи страшнее — болезнь или тоска по родному городу.

Вскоре наш завод стал ему родным домом. Комнату мы ему выхлопотали, из-под надзора поликлиники не выпускали.

И я и мой муж старались убедить Володю, что нельзя ему, молодому, оставаться на той ступеньке, на которой он сейчас стоит. Болезнь осложняла каждый его шаг, но мы все-таки убедили его десятилетку окончить. А потом он и институт электротехнический окончил. В партию вступил.

А когда он влюбился в свою будущую жену, помню, к нам домой опять пришел и все твердил, что останется на всю жизнь холостяком: какой он отец семейства, вдруг ему хуже станет, а дети как? Я его слушала, виду не подавала, а чувствовала, как счастье его преобразило, как он восторженно о своей Зине говорил.

Много лет пробежало с той поры. У Володи и Зины уже дочка-школьница. Он заведует лабораторией, жена учится. У нас в доме они самые близкие люди. Мы с мужем сейчас на пенсии. Своих детей у нас нет. Смотрю я на Володю и думаю: великая это радость — знать, что есть и твоя частичка, твоя доля в счастье человека!

Литературная запись
К. ЯКОВЛЕВОЙ.

Римма КУБЛИЦКАЯ, Георгий КУБЛИЦКИЙ

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ...

Недавно мы видели старую документальную ленту о Волге. Ее сняли в годы, когда кино было немым, и, наверное, показывали под звуки фортепьяно, на котором из сеанса в сеанс привычно брэнчал тапер. На экране мы увидели Волгу, какой она была сорок лет назад, во времена нэпа. Непривычно пустынная, с редкими, неторопливо ползущими баржами-«мокрицами», река казалась знакомой и незнакомой. Кремлевские стены в Горьком? Но какие провалы зияют в них! И эти вереницы ломовых извозчиков на кремлевском спуске, грузчики с «подушками» на спинах, в широких латаных штанах...

Оператор снял воскресник на какой-то пристани. Парни с носилками, груженными битым кирпичом, позировали перед киноаппаратом. Попал в объектив восстановленный полкустарный мыловаренный заводик, кооперативный магазин водников, открытый рядом с лавкой нэпмана, работницы возле детских яслей. Фильм показывал все лучшее, что тогда можно было снять, ростки нового на Волге, которыми тогда гордились. Это были последние годы на-

всегда уходящей «лапотной» России, годы залечивания ран гражданской войны, интервенции, разрухи. Это была наша молодость, бедная и героическая.

В год, когда снимался фильм, ушел от нас Ленин. Его портрет с траурной лентой висел на стене в комнате, где за столами были засняты демобилизованные красноармейцы, парень в кожанке, несколько девушек в косынках, старательно выводящие в тетрадах слова диктанта.

Мы с волнением смотрели все эти бесхитростные кадры. Старый хроникальный фильм как бы уносил нас к истокам нынешней Большой Волги, показывал, с чего начинали наши матери и отцы.

Мы оба много лет путешествуем по Волге, пишем о Волге, нам казалось, что мы неплохо знаем сегодняшнюю Волгу и ее историю. Но, может, лишь после зримого сравнения с прошлым не только разумом, а и сердцем полнее ощущаешь грандиозные масштабы и значение того, что сделано народом на великой реке.

Нет, Волга для советского человека

У карты родной страны

нечто гораздо большее, чем река, даже великая! С давних пор народ зовет свою главную реку так же ласково, как называл Русь,— матушкой. Но теперь, в наши дни, смело преобразованная, подчиненная контролю человеческого разума, Волга стала и детищем великого народа. Советские люди сделали ее Большой Волгой, и оттого всем нам она еще роднее, дороже, ближе.

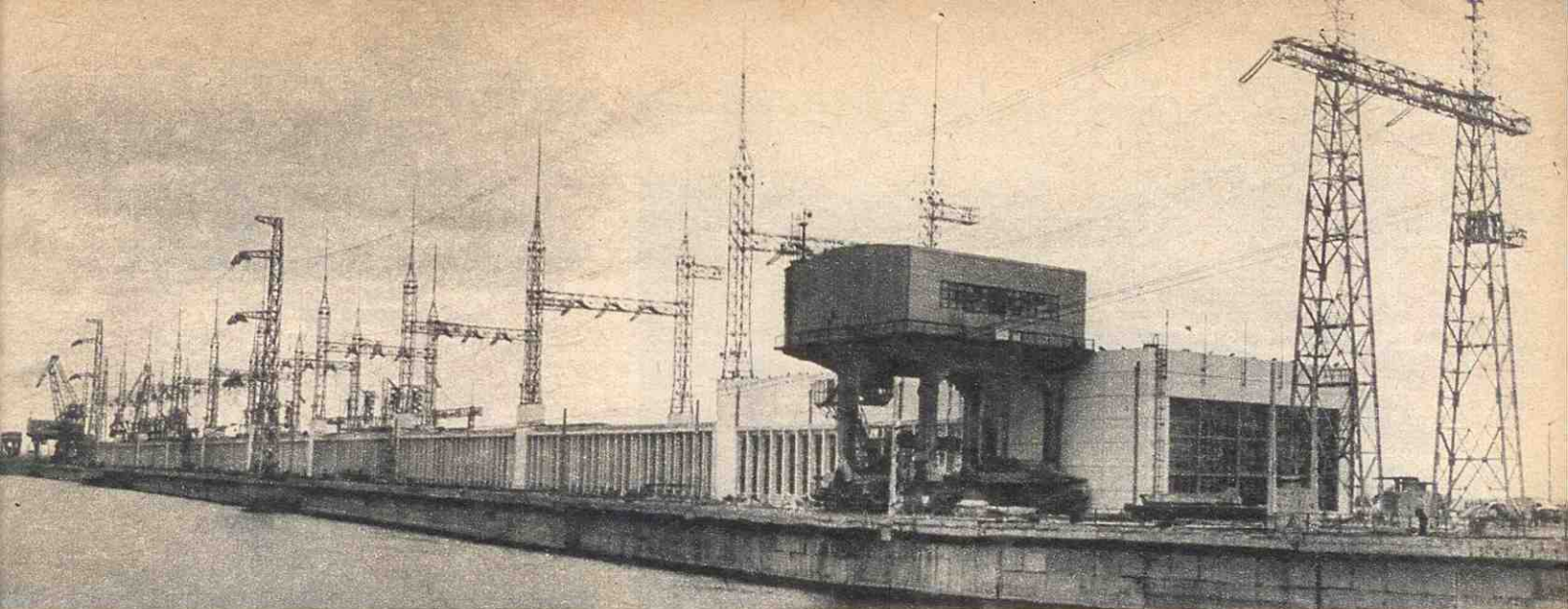
Дорога она людям и потому, что волжские берега — родина Ленина.

Двадцать три года жизни Владимира Ильича — это Волга, Поволжье. «Хорошо бы летом на Волгу!» — писал он с чужбины, — «...соскучился я по Волге!..»

Пусть по длине Волга у нас не первая — великие реки Сибири превосходят ее. Но каждый из 3688 ее километров — история: то город, где родился человек, которым гордится Отечество, то пейзаж, запечатленный на бесмертном полотне замечательного художника, то память о подвигах борцов за свободу, то место, где сложились песню или легенду, которая переходит из поколения в поколение. О ней, о Волге, — раздумья Чернышевского. О ее будущем — пророчество Некрасова, пронизанное глубокой верой в народные творческие силы.

У экономиста Волга не в меньшем почете, чем у поэта или историка. «Главная улица России» — стержень водных дорог к пяти морям, первая по грузообороту река страны, опора электрификации огромных пространств. Из каждых десяти жителей Российской Федерации четверо живут и трудятся в сфере притяжения Волги. Пятьдесят два миллиона человек, «прописанных» в бассейне Волги, производят весьма значительную часть всей промышленной продукции страны; к десяткам миллионов гектаров пашни они, распахав степную целину, приплюсовали новые житницы. В волжском бассейне больше 370 городов, сотни поселков, многие тысячи сел. Шесть автономных республик, всеми корнями связанных с Волгой, братски сотрудничают друг с другом, утверждая животворность ленинской национальной политики. От Волги на запад — в Польшу, ГДР, Венгрию, Чехословакию — тянется гигантский нефтепровод; трудно придумать более вырази-

Волжская гидроэлектростанция имени XXII съезда КПСС.

Фото Б. Вдовенко.

тельное название, чем то, которое ему дали: «Дружба».

На Большой Волге — большая нефть. Сначала открытый здесь новый нефтяной район назвали «Вторым Баку». Но «Второе Баку» уже давно и далеко обогнало первое: только ежегодный прирост добычи в Поволжье равен примерно годовой продукции бакинских нефтяников. Волжский бассейн, куда до революции привозился издалека каждый пуд керосина, дает теперь четыре пятых всей нефти Советской России.

Разная она, наша Волга! Возле теремка со шпилем, поставленного над истоком, через нее можно перешагнуть. А на новых волжских морях, в пору, когда разгуляется крепкий ветер, трехпалубный корабль зарывается носом в воду, и пассажиры, непривычные к качке, платят щедрую дань морской болезни...

На берега Рыбинского моря дышит север, белые ночи дремлют над корабельными соснами, непуганые лоси хрустят валежником. Вблизи Ярославля — «некрасовские места», белые, словно светящиеся облака над желтыми песчаными косами, деревни по взгорьям, переключка куликов, пониже впадения Оки зеленые хороводы дубрав, липовые рощи, яблоневые сады, пейзажи, заставляющие вспомнить слова Горького, что «не может быть на земле столь просто ласково красивых мест, каковы эти вот тихие берега...». А дальше Жигули. Со скалистой вершины, где стелется можжевельник, открывается их краса: поминаемые легендами утесы, вершины то в шапках леса, то открывшие ветрам крутые каменные лбы, нефтяные промыслы и серебристые цистерны в долинах, промышленный город Жигулевск, скользящие по новому Куйбышевскому морю белые корабли, светлая полоса плотины гидроэлектростанции имени Ленина над волжским простором.

Человек вмешался в вековечную жизнь реки и изменил даже то, что казалось неизменным, бесконечно повторяющимся. Пробуждение реки? Ну что тут может быть нового? Подтаявший, ноздреватый лед, синее море закраны — полосы чистой воды у берегов,

отражающие облака и первые птичьи стаи, потом...

А потом самолеты заходят на бомбежку, вздымаются фонтаны воды и осколков льда, змеятся трещины по ледяному покрову. Как птицы торопят весну, так и человек торопит теперь свою Волгу. Он вспарывает ледяную броню на водохранилищах, бросая в атаку ледокольный флот. Разбитый с воздуха, подорванный саперами, разрезанный ледоколами, лед спешит очистить путь кораблям. Это вам не прежний разгул стихии, когда, прорвав защитные дамбы затонов, ледяной вал давил баржи, расплющивал пароходы! Без тревоги следят люди на водомерных постах за подъемом внешних вод: плотины останавливают разлив. Катастрофические волжские наводнения — лишь в воспоминаниях стариков да на старых музейных фотографиях.

На новой Волге новые традиции. И вот одна из них: гость Волгограда уносит с собой щепотку земли со склонов Мамаева кургана.

Неподалеку от этого кургана, на той же священной земле, воздвигнут энергетический гигант имени XXII съезда КПСС. Факелом, вспыхнувшим от его электрической искры и пронесенным через весь город, был зажжен вечный огонь на площади Павших Борцов. В день торжественного открытия гиганта Н. С. Хрущев сказал знаменательные слова: «...Разве для того пролилась здесь кровь отцов, чтобы их дети, создающие такие величественные сооружения, как эта гидроэлектростанция, познали еще более разрушительную войну?»

Нет, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы не допустить новых разрушений... Люди хотят строить, а не разрушать, хотят жить, а не умирать».

Да, советские люди — мирные люди. Но на вершине Мамаева кургана, венчая ансамбль создаваемого здесь памятника героям великой битвы, над фигурой стоящего насмерть Воина, над братскими могилами, где в окружении плакучих ив скорбная белая фигура Матери, высится могучая и непреклонная Родина. Волга напоминает всем,

кто размахивает факелом новой войны: воспитанный Коммунистической партией, закаленный в боях и труде свободный народ, на знаменах которого — мир, созидание, коммунизм, непобедим!

Эпоха завоевания космоса пополнила плеяду уроженцев волжских берегов, завоевавших мировую славу, именами Валентины Терешковой и Андрияна Николаева.

Валентина Терешкова выросла в Ярославле. Она и ее родные работали на комбинате «Красный Перекоп». И нам хочется снова вернуться к старой киноленте. Там тоже снят Ярославль и «Красный Перекоп». Но какой Ярославль! С трудом узнаваемый, изуродованный, сожженный. Всюду руины, груды битого кирпича, дома, где черные языки копоти тянутся из пустых окон. Это следы контрреволюционного мятежа, во время которого треть города была тогда стерта с лица земли, тридцать тысяч ярославцев остались без крова, двадцать заводов погибли в огне, остальные были повреждены. Полтора миллиона рублей золотом получили мятежники от иностранных держав. Американский посол Франсис намечал уже состав белого правительства, которое утвердилось бы в случае победы мятежников на Волге и в других городах страны...

И та же кинолента сорокалетней давности сохранила нам кадр: американские туристы на борту волжского парохода. Бинокли, фотоаппараты, костюмы в крупную клетку, сытые, самодовольные лица... Эти господа пожаловали к нам в гости во время процветания, «просперити» своей страны. Америка нажилась на войне, приближения грозного кризиса 1929 года еще не чувствовалось. Уже тогда в Америке было и метро, и миллионы автомобилей, и миллионы тракторов. Думали ли в те годы американские туристы, фотографировавшие развалины города и бледных, плохо одетых работников «Красного Перекопа», что всего четыре десятилетия спустя выросшая здесь «Чайка» поведет звездный корабль, вызывая восторг, зависть, горечь у миллионов молодых американок?

Мы знаем, что на Миссисипи, великой американской реке, не построено еще ни одной гидростанции, которая могла бы соперничать с гигантами волжского каскада. Но, думается, не в этом главное. Человеческие судьбы на берегах двух великих рек — вот решающая мера для сравнений.

Мы помним снимки улиц города Оксфорда в штате Миссисипи: перевернутые, сожженные машины, следы пуль на стенах университета, выбитые окна... И все это из-за того, что один негр, всего один негр задумал поступить в университет, до той поры принимавший только белых.

Джеймс Мередит — в прошлом военный летчик, как и сын Чувашии Андриян Николаев. Мередит хотел стать студентом, учиться вместе с белыми так же, как люди с его цветом кожи, африканские студенты, учатся в городах на Волге. Но на Миссисипи это простое человеческое желание — уже преступление в глазах расистов. И понадобилось восемь тысяч солдат, понадобилось вмешательство президента, чтобы Джеймс Мередит не стал пятьсот тридцать девятым негром, линчеванным в штате Миссисипи, на реке Миссисипи, на «американской Волге»...

В поэме о Ленине Маяковский писал:

Сверху

взгляд

на Россию брось —
рассинелась речками...

И вот пришло время, когда человек действительно может из космических высот бросить взгляд на всю Россию, воочию увидеть голубые магистрали ее единой водной системы!

Но мы-то воспользуемся пока кораблем воображения, который поможет нам окинуть взором главные дороги сегодняшней Большой Волги, представить новую ее географию.

Пусть рассвет на земле застанет этот наш корабль над северной излучиной Камы. Здесь в недалеком будущем человек увидит с высот не узкую ленту реки в малахитовой оправе лесов, а зеркало величайшего искусственного моря планеты. В этих широтах северные реки Печора и Вычегда будут повернуты в бассейн Большой Волги. Отсюда, из нового бескрайнего моря, караваны судов устремятся через уже устоявшиеся в берегах Камское и Воткинское моря к Волге, неся ей дары Урала.

А в иллюминаторе нашего корабля очертится, как на подернутой дымкой ожившей карте, степное междуречье Волги и Дона, низовья этих рек, смутные линии берегов Каспийского и Черного морей.

По самой древней волжской дороге идут из Каспия мимо Астрахани морские корабли с туркменским хлопком для текстильщиков Кинешмы. Они поднимаются вверх по Волге мимо того места, где встанет плотина Нижне-Волжской ГЭС, ко входу в Волго-Донской канал. К месту встречи с каспийскими гостями спешат по Цимлянскому морю флотилии от Азовского и Черного морей.

От стен Волгограда, от перекрестка водных дорог трех южных морей, открывается неоглядная даль и ширь

Волгоградского моря. А ведь совсем недавно с борта подлинного корабля «Восток» Юрий Гагарин, приземляясь, видел здесь другое: «Внизу блеснула лента Волги...». Лента, не море!

А выше скоро появится еще одно волжское море — водохранилище строящейся Саратовской ГЭС.

Бросая взгляд на великую русскую равнину, раскинувшуюся волжскими морями и притоками, увидим мы в одном строю со славными и древними городами: с Куйбышевом, Ульяновском, Казанью, Горьким, Костромой, Рыбинском — новые, молодые: Волжский, Зеленодольск, Жигулевск, Ставрополь, Заволжье...

А в иллюминаторе вслед за Горьковским и Рыбинским морями откроется затем северо-запад России с полукругом великих северных озер.

Все это тоже в орбите нашей Большой Волги. От причалов Беломорска, из Ленинграда, с севера и запада, по каналам и рекам стягиваются флотилии в Онежское озеро, ко входу в главный канал семилетки — новый Волго-Балтийский путь. Он проложен среди соловьиных березовых рощ, белых ромашковых лугов, среди темных долин, где шумят ледяные ручьи и где сохранились обелиски в честь соратников Петра. В скором времени этой новой трехсотшестидесятикилометровой сверхмагистралью, заменившей старую Маринскую систему, Волга будет обмениваться грузами с Белым и Балтийским морями.

В Рыбинском море, куда ведет Волго-Балт, с высокой дамбы женщина простерла руку навстречу кораблям. Она прижала свиток чертежей другой рукой, и буревестник изваян у ее ног.

Валентина Терешкова в гостях у речников Волги.

Фото П. Вышинда.

Это «Волга», которую скульптор увидел создательницей, преобразующей жизнь. На постаменте — ленинский завет: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

И отсюда ответвляется еще одна дорога пяти морей. Канал имени Москвы несет воды к столице, где огромная рублиновая звезда горит на стальном шпиле Северного речного вокзала. Под этой счастливой звездой начинаются дальние плавания по единой сети голубых дорог, и осью, стержнем этой грандиозной системы, создание которой предусмотрено Программой партии, была, есть и будет Большая Волга!

Вогомолки на Волге. 1904 год.

Фото З. Виноградова.

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

...Огромная залитая дымно-фиолетовым светом площадь заполнена людьми. На Зимний дворец с крейсера «Аврора» направлен ослепительный луч прожектора. Из-под арки Генерального штаба ко дворцу хлынули людские потоки. Рабочие питерских заводов и фабрик, матросы-балтийцы, перешедшие на сторону революции солдаты по сигналу «Авроры» ринулись на штурм последнего оплота контрреволюционного Временного правительства.

Революция победила! Так воспроизводит события в ночь с 25 на 26 октября 1917 года (ст. стиля) на Дворцовой площади в Петрограде диорама «Штурм Зимнего дворца» в Государственном Музее Революции СССР.

Музей Революции — крупнейшее в мире собрание историко-революционных памятников. Экспонаты отражают основные этапы подготовки, проведения, победы Великой Октябрьской социалистической революции, раскрывают величественную картину дальнейших завое-

ПРОПАГАНДИСТКА.

Скульптура работы Г. Тоидзе (Музей Революции СССР).

Школьники в Музее Революции.

Фото Н. Маторина.

ваний Октября, вплоть до наших дней.

Особенно многолюдно сейчас в залах, посвященных историческим дням Октябрьского переворота. Сорок шесть лет прошло с тех пор. Сорок шесть лет, наполненных героическими свершениями и непревзойденными подвигами советского народа, идущего по пути, начертанному бессмертным Лениным. Пройдут десятилетия, века, но грозные дни Октября 1917 года всегда будут жить в памяти народов: именно тогда родилась новая эра — эра социализма.

В Ленинских рукописях, в номерах «Искры», «Правды», в листовках, плакатах, знаменах, в декретах Советской власти отражены история и первые шаги революции. Художественные полотна, скульптуры (некоторые из них вы видите на этих страницах) помогают нам представить себе события и людей тех лет.

...Вот опаленные в сражениях боевые знамена красных полков, кожаные куртки комиссаров, пламенные листовки, плакаты, воззвания... — героические годы гражданской войны.

Первый, неуклюжий трактор, первый автомобиль «АМО 8-15», диорама Днепростроя — этапы индустриального взлета нашей социалистической Родины, небывалого расцвета творческих сил народа, освобожденного Октябрем от оков капитализма.

В музее мы находим и материалы, свидетельствующие о культурной революции, свершившейся в нашей стране. Это и школы в далеких аулах, и первый съезд советских писателей, и премьеры в Большом театре, и многочисленные издания...

...Черная стена с грозно пылающими словами о нападении гитлеровской Германии на нашу страну откры-

вает экспозицию, посвященную Великой Отечественной войне. В конце зала — скульптура Е. В. Вучетича «Воин-освободитель». У ног советского солдата поверженные фашистские знамена. Советский Союз спас народы мира от страшной угрозы гитлеровского порабощения.

А вот яркие, радостные флаги. Это государственные флаги стран социалистического лагеря. Сегодня под знаменем марксизма-ленинизма живет и борется уже не один только советский народ, а более трети всего человечества. И это тоже оказалось возможным только потому, что в 1917 году пролетариат России под руководством Ленинской партии коммунистов сверг власть капиталистов и помещиков, указав путь к освобождению всем народам.

Портреты Героев Труда, модели сложнейших станков, макеты завода синтетического волокна, атомного ледокола «Ленин» — все они рассказывают о нашей жизни сегодня, о достижениях советских людей в области экономики, науки, культуры. И в центре — небольшая книга в красном переплете: «Программа Коммунистической партии Советского Союза» — программа построения коммунистического завтра. Эта программа, принятая историческим XXII съездом партии, — тоже завоевание Великой Октябрьской социалистической революции.

Во всех деяниях советского народа, строящего коммунизм, в успехах стран социалистического лагеря, в победах национально-освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки живет и побуждает Великий Октябрь.

Это особенно остро чувствуешь, проходя сегодня по залам Музея Революции в Москве.

М. НАЗАРОВА

А. ВАСИЛЬЕВ. НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!
Петроград. Выборгская сторона.

В. МЕШКОВ. ВСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ ГВАРДИИ В КРЕМЛЬ.

Аля ТИМОФЕЕВА

Лида ШВЕДОВА

Нина ДОЛОВА

Валя ДАНИЛОВА

ВМЕСТЕ

С ИНЖЕНЕРАМИ

Много сейчас пишут и говорят о производительности: и в газетах, и по радио, и на рабочих собраниях. Кажется, понятно, как важно делать за смену сегодня больше, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня. Но, нечего грех таить, есть еще работники, которые считают, что все зависит от конструкторов, ученых, инженеров. «Мы, мол, люди маленькие. Вот придумают инженеры какие-нибудь удивительные станки или новую технологию, тогда и мы себя покажем». А поставят новые станки, и начинаются жалобы: то не ладится, это не выходит, и вообще лучше уж было бы работать по-старому.

Это письмо я пишу потому, что на опыте нашей бригады мы все убедились, как много зависит от нас, рабочих, в техническом прогрессе, в борьбе за увеличение выпуска продукции. Овладеем мы новой техникой, сумеем выжать из нее все, на что она способна, — значит, будет толк от ее внедрения, быстрее окупятся затраты, быстрее будет расти производительность труда.

Раньше у нас в цехе был участок анкерной шпильки. Эта шпилька — очень важная деталь в тракторном моторе. Работали все мы, что называется, в поте лица, а шпилька в сборке постоянно не хватало, и завод не выполнял план выпуска моторов. Занимались нашим участком все — от цехового начальства до руководителей завода, совнархоза и обкома партии.

Вся загвоздка была в шлифовке шпильки. Много шло брака, станки часто выходили из строя. А шлифовочные камни просто замучили всех. Эти камни у нас на заводе окрестили «ТУ-104», потому что возили их из Ленинграда на самолете.

И вот прошлой осенью родилась мысль отказаться от старой технологии, от шлифовки и перейти на обкатку. Инженер-конструктор тов. Хаздан предложил переделать обыкновенные токарные станки на обкаточные. Заодно решили по-новому расставить оборудование.

Разработали новую технологию. Установили станки. Теперь слово было за нами, работниками.

Первое, что мы сделали, — это отказались от работы по индивидуальным нарядам. Создали бригаду. В нее вошли десять станочниц и два наладчика. Что это нам дало? Прежде работали мы всяк за себя. И не думали о том, как работает сосед.

Другое дело в бригаде. Оплата у нас

идет по сданной продукции, причем за работок делим на всех, согласно присвоенным разрядам. Вот и получается, что каждый из нас очень заинтересован, чтобы побольше шпилек ушло на сборку. А раз так, надо друг другу помогать.

Но как это делать, если ты овладела только одной операцией и не знаешь ту, что делает соседка? Вот мы и договорились: каждой научиться всем операциям. Учились тут же, во время работы. Выпадет свободная минутка у токаря Зины Новожиловой (скажем, когда настраивает ей станок наладчик), она сейчас же к резьбонарезнице Вале Даниловой. И так любая работница.

Прошло несколько месяцев — и теперь все станочницы отлично умеют зачистить торцы шпильки, обработать шпильку на токарном станке, обкатать ее и нарезать резьбу. А что дает такая взаимозаменяемость, каждому ясно. Заболеет одна из нас, бригада сумеет выполнить задание и без нее.

Конечно, не сразу далось такое умение, особенно обкатка. Поверхность шпильки должна быть идеально гладкой, просто зеркальной. На шлифовальном станке это достигалось с помощью специальных камней, которые «сдирали» с детали все неровности. А при обкатке три быстро вращающихся ролика, обжимая шпильку, полируют ее поверхность. Станок работает на большой скорости. И тут нужна не только расторопность, но и большое внимание, чтобы не было брака.

Когда перешли на новую технологию, я первой стала на обкатку. Только освоилась, подходит ко мне мастер и говорит: «Нина, попробуй сразу на двух станках поработать». Я даже руками замалала: где уж тут, с одним едва управляюсь! А он свое: надо, мол, на сборке план растет, без шпилек-то мотора не бывает. Отважилась. В первый день вместо шестисот шпилек обкатала не больше четырехсот. Но поняла, что смогу управиться и с двумя станками. Только надо по-другому организовать рабочее место и принаровиться.

В то время в проходе между станками стоял один большой стеллаж. Туда мы складывали шпильки после каждой операции. От меня стеллаж был далеко. Сколько времени зря уходило на беготню за деталями! Собрались всей бригадой, подумали и попросили установить у каждого станка небольшой стеллаж. Договорились, что после выполнения своей операции станочница будет передавать детали соседке. Пустяк как будто, а как это помогло нам! Я сразу почувствовала облегчение. Стала обкатывать по пятьсот, пятьсот пятьдесят шпилек. А вскоре делала и все шестисот.

Пришла сноровка, научилась точно рассчитывать время, каждое движение. Вставляю шпильку в один станок, поворачиваюсь и вставляю другую деталь во второй. Опять поворачиваюсь, первая шпилька готова, завволяю следующую — и ко второму станку. Как по конвейеру, обкатываю деталь за деталью. И устаю теперь меньше, чем раньше у одного станка. Сейчас на двух обкаточных станках отлично работает и Аля Тимофеева. Случается, что она и по семьсот шпилек обрабатывает.

Была у нас еще одна болезнь: брак донимал. Как с ним бороться? Только повышением внимания и ответственности работницы. Каждый случай брака обсуждали, находили причины его. А тому, кто виноват, говорили: «Что же это получается, работаем мы в «общий котел», а ты брак гонишь?»

Все это уже позади. В мае бригада получила личное клеймо и готовую продукцию сдает, минуя ОТК. Не бывает случая, чтобы нам возвращали со сборки детали.

На новую технологию мы перешли с начала нынешнего года. Уже можно подвести некоторые итоги. Раньше на участке работали двадцать четыре станочницы, девять наладчиков, старший мастер, три сменных мастера. Сейчас на линии анкерной шпильки двадцать станочниц, четыре наладчика, два мастера. Число работающих уменьшилось на одиннадцать человек. Одной только заработной платы экономится в месяц 1 600 рублей. А деталей даем в полтора раза больше. Да и себестоимость их снизилась почти вдвое. На заводе давно уже забыли о тех днях, когда наша шпилька «резала» сборку.

Мы понимаем, что можно еще выше поднять производительность труда. Для этого составили комплексный план. Предложили переставить оборудование, чтобы внедрить многостаночное обслуживание. Сейчас, например, с четырьмя станками предварительной шлифовки управляются две работницы. После перепланировки и установки несложных приспособлений на этой операции останется одна работница. Сделают нам на токарных станках, как мы того просим, устройства для автоматической закладки деталей, установят систему централизованного снабжения эмульсией (сейчас работница таскает эту эмульсию к станку ведрами), перейдем мы с нарезки резьбы на накатку — и производительность труда поднимется еще на 18 процентов.

Нина ДОЛОТОВА,
бригадир бригады коммунистического
труда первого моторного цеха
г. Владимир,
Тракторный завод.

ВОТ ОНИ, БОЕВЫЕ ДЕВЧАТА
ИЗ БРИГАДЫ НИНЫ ДОЛОТОВОЙ.

ЖИЗНЬ В ЭТОМ, ТОЛЬКО В ЭТОМ...

К 90-летию со дня рождения
Е. Д. Стасовой

Помните ли вы чудесное стихотворение в прозе Тургенева «Порог»? Громадное здание, узкая дверь раскрыта настежь, за дверью угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка, русская девушка. Из глубины здания вместе с ледяной струей выносятся медлительный, глухой голос: «О ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?... Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь, самая смерть, отчуждение, одиночество, безымянная жертва? Ты погибнешь — и никто не будет даже знать, чья память почтить!..» «Знаю, — отвечает девушка. — Знаю, и все-таки хочу войти».

Это стихотворение вспомнила Елена Дмитриевна Стасова в письме к своему отцу, написанном ею из Таганской тюрьмы в 1904 году. Отец, зная, что тюремное заключение пагубно для ее здоровья (Елена Дмитриевна была тогда больна туберкулезом легких), хлопотал о том, чтоб она была освобождена под залог. Елена Дмитриевна написала ему, что если будет освобождена, то снова вернется к своей революционной деятельности.

«Пойми, дорогой, — писала она, — что в этом моя жизнь, в этом и только в этом, что никакая иная работа не может мне дать сил жить, что это плоть от плоти моей. Это не фразы, родной мой, любимый, мне страшно тяжело,

что я заставляю страдать тебя и маму, лучше не жить тогда. Пойми меня, дорогой, хороший, пойми, что я пишу тебе это со слезами на глазах, что у меня вся душа болит, когда думаю о вас обоих, но нет сил поступать иначе...»

И тут Елена Дмитриевна напомнила отцу о тургеневском стихотворении, напомнила потому, что, подобно девушке-революционерке, решившейся перешагнуть через страшный порог, она так же твердо и бесповоротно посвятила себя великому делу революции, зная, что ее ждут и холод, и голод, и тюрьма, и, быть может, безвестная смерть в далеком краю, где глаза закроют чужие руки. И как счастлива должна быть она сегодня, в день своего 90-летия, этим решением, принятым ею, когда она была молодой девушкой, и пронесенным ею через годы и десятилетия! Как горды за нашу дорогую Елену Дмитриевну мы, советские женщины и трудящиеся женщины всего мира, когда думаем о ее трудной, прекрасной жизни, отданной революционной борьбе в непосредственной близости и под руководством великого Ленина, в рядах партии коммунистов.

Е. Д. Стасова родилась в семье, представители которой вписали много замечательнейших страниц в историю русской культуры и общественной мысли. Дед ее, В. П. Стасов, был известным

зодчим, создавшим великолепные произведения архитектуры. Ее дядя, старший брат отца, В. В. Стасов, был крупнейшим музыкальным, художественным и литературным критиком и оставил неизгладимый след в истории русского искусства. Сестра отца, Н. В. Стасова, стояла во главе общества, организовавшего первое в России высшее учебное заведение для женщин — Бестужевские курсы. Она была первым директором их, а когда царское правительство отстранило ее от этой работы, выступила инициатором создания нового общества — «Детская помощь», ставившего своей задачей создание яслей и детских домов для детей нищих женщин. Отец Елены Дмитриевны, Д. В. Стасов, был первым председателем Совета присяжных поверенных в России и выступал как защитник подсудимых на крупнейших процессах революционной народнической молодежи — на процессе 193-х, процессе 50-ти, процессе Каракозова.

В доме у Стасовых постоянно звучала музыка, стены украшали чудесные картины, их друзьями были самые талантливые и прогрессивные писатели, художники, музыканты.

Но любимая дочь Дмитрия Васильевича Елена, яркая, способная, получившая блестящее образование, владевшая несколькими языками, прекрасно чувствующая искусство, искала большего.

«Помню, — пишет Елена Дмитриевна в своей автобиографии, — что у меня стало все сильнее говорить чувство долга по отношению к «народу», к рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигентам, возможность жить так, как мы жили».

Движимая этим чувством, Е. Д. Стасова начала работать сначала в крестьянской школе, потом в воскресной школе для взрослых рабочих и подростков.

По одному из писем В. В. Стасова мы можем воссоздать облик Елены Дмитриевны, какой она была в 1893 году, когда ей едва исполнилось двадцать лет. Больше всего в ней нравились В. В. Стасову «твердость, решимость, стремление к чему-то хорошему (пока еще не осознанному), энергия и настойчивость». «...Я заметил в тебе задатки чего-то великодушного, благородного, даже самоотверженного, — продолжает он. — Ты не даром проживешь, а оставишь по себе глубокую память».

Завязанное в вечерней рабочей школе знакомство с Н. К. Крупской, З. П. Невзоровой и другими замечательными революционерками приобщило Елену Дмитриевну к революционному подполью. То неосознанное стремление к чему-то хорошему, которое отметил в ней В. В. Стасов, превратилось в борьбу за сознательно поставленную цель. Она стала работать в «Политическом Красном кресте», оказывавшем помощь заключенным. Затем ей было поручено хранение партийной литературы, архива и партийной печати. Было это в 1898 году. Это год вступления Елены Дмитриевны в партию.

А дальше — жизнь верного ленинца. Ленинская «Искра» и работа по ее распространению и сплочению партии под ее знаменами. II съезд партии, раскол на большевиков и меньшевиков

и борьба за завоевание партийных масс на сторону большевиков. 1905 год. Елена Дмитриевна — секретарь ЦК партии. Она едет за границу и впервые встречается с В. И. Лениным, с которым до этого времени была знакома по переписке. Возвращается в Россию и снова с головой уходит в нелегальную партийную работу.

Не раз она была арестована, долгие годы провела в царских тюрьмах и в ссылке — в Таганской тюрьме и в Литовском замке, в «Предварилке» и в Тифлисской тюрьме, в ссылке в Сибири. Но, едва выйдя за тюремные ворота, тут же снова принималась за партийную деятельность.

В 1912 году на Пражской конференции Е. Д. Стасова была заочно избрана кандидатом в члены ЦК нашей партии. Но поработать на «подпольной волонтерке» ей пришлось недолго: она была арестована.

Февральская революция застала ее в Петрограде, за тюремной решеткой. Елена Дмитриевна была освобождена восставшим народом — и тут же принялась за организацию секретариата Центрального Комитета партии. В период подготовки Октябрьского штурма, а потом в трудные годы гражданской войны она была секретарем ЦК партии. В 1920 году Владимир Ильич Ленин направил ее на работу в Баку, где она отдавала всю свою энергию зову I съезда народов Востока. В мае 1921 года Коминтерн направил ее на работу в Германию своим представителем. Пять лет она работала в рядах Коммунистической партии Германии.

Долгое время возглавляла Елена Дмитриевна Международную организацию помощи революционерам (МОПР), придав ее работе широчайший размах. Будучи главным редактором журнала «Советская литература на иностранных языках», много сделала она для

распространения лучших произведений советской литературы по всему миру.

«Дорогая Елена Дмитриевна! Как много есть на свете людей, которые писали и пишут ей сегодня письма, начинающиеся этими словами. Ибо все — и знакомые и незнакомые — знают, что их письмо никогда не останется без ответа, без отклика этого действительно дорогого всем нам человека.

Годы напряженной работы подорвали здоровье Елены Дмитриевны. Но, несмотря на это, она полна живейшего интереса к жизни, к людям, ко всему окружающему. К ней можно прийти со всем: и со сложными вопросами, касающимися международной или идеологической работы, и с самыми обыденными, житейскими делами, и с жалобой на неправильные действия каких-либо работников. Молодые женщины рассказывают ей о своей любви — счастливой или несчастливой, матери делятся тревогами о воспитании детей, старые большевики посылают ей рукописи своих воспоминаний — и все слышат от нее доброе, участливое слово старшего товарища и друга. Ну, а если она увидит фальшь, обман, неправо дело, — пусть виновный пеняет на себя. Пощады ему не будет!

Дорогая Елена Дмитриевна! Этими словами мне хочется заключить те несколько коротких страниц, которые я написала о Вашей прекрасной жизни, жизни подлинного коммуниста, ленинца, революционера. И я убеждена, что выражу чувства всех советских женщин и трудящихся всего мира, когда пожелаю Вам в день Вашего девяностолетия еще долгих лет жизни на радость всем нам.

Е. ДРАВКИНА,
член КПСС с 1917 года

Аршалуйс МАРГАРЯН

Шиповник

Шиповник повис на угрюмой скале
Весь розовый, точно рассвет,
Он корни укрыв неглубоко в земле
И ей подарил свой расцвет.

Так мало берет у огромной земли,
Так много взамен отдает!
Дыханием нежным еще издали
Приветствует солнца восход.

Будь скромным и щедрым, как этот
цветок,

Одетый лучами зари.
От жизни возьми лишь крупинку,
глоток,

И миру весну подари.

Перевел с армянского
С. МАР.

Халимат БАЙРАМУКОВА

Солнце навстречу

Доверчиво, тревожно — вновь и вновь —
Жду новый день, еще покрытый тайной,
Как осень — зиму, девушка — любовь,
Как горец гостя ждет с дороги
дальней.

Все больше каждый день приносит мне,
По-молодому выпрямляя плечи.
Он мне, а значит, всей моей стране —
На счастье солнце, солнце шлет
навстречу!

Перевела с карачаевского
Римма КАЗАКОВА.

***
Что со мной?! Я снова жду ответа
На вопрос. И вновь тревогу бью...
То ли многого я жду от века,
То ли мало веку отдаю?

***
Не плачу, что ветер в горах отшумел,
Дорога во мгле потонула,
Что молодость я запахла в шинель
И плотно шинель застегнула,

Что радость, надежду и ласковый
взгляд
Забыв — не для славы, для чести, —
Пошла, презирая старинный адат,
На битву с мужчинами вместе.

Что милых, родных потеряла в бою,
Что рано прокрасились сединки —
Такие студенья! — в косу мою;
Как в речку осенние льдинки.

Изныла душа по родным горам,
Сгорела в любви молчаливой...
Но я никогда никому не отдам
Мой жребий — печальный, счастливый.

Перевела с карачаевского
Новелла МАТВЕЕВА.

25 сентября Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия. И я была участником этого исторического события.

Выступая на заседании, голосуя за договор, многое я тогда передумала и перечувствовала. Вспомнила прошлую войну с ее безмерными страданиями и бедами, вспомнила своих подруг-работниц, их веселых ребятишек, своего сы-

о женщинах, матерях, и говорить не приходится.

Но есть и такие люди, которым договор не по нутру. Это прежде всего «бешеные» в США, это западногерманские милитаристы, мечтающие о реванше за поражение Гитлера, это французские генералы, помешавшиеся на «собственной» атомной бомбе.

Ну, от этих оголтелых империалистов ничего другого и нельзя было ждать. А вот как могут выступать против дого-

Помню, еще пионерами мы с волнением читали на своих сборах стихи о китайском кули Ли Чане, который восстал против чужеземных порабощителей. Советский Союз поднялся на защиту китайской революции, когда против него ополчились западные империалисты. «Руки прочь от Китая!» — кто из нас не повторял тогда этот лозунг с гневом и решимостью! С замиранием сердца следили мы за героической борьбой Китайской Народно-освободительной армии против чанкайшистской клики.

Победу народной революции в Китае мы восприняли как свою собственную победу. Верные своему интернациональному долгу, мы помогли Народному Китаю как только могли. Щедро, по-братски делились с китайскими друзьями всем, что имели, — хлебом и знаниями, машинами и опытом. На международной арене Советский Союз неизменно отстаивает законные права Китайской Народной Республики. Империалисты хорошо знают, что если бы они осмелились напасть на Китай, то на помощь ему немедленно пришел бы Советский Союз со всей мощью своего оружия.

Сами китайские руководители много раз признавали, что своими успехами КНР во многом обязана советскому народу. Благодарили за помощь, клялись в вечной дружбе, в верности общим идеалам...

А теперь они клеветают на нас, поливают грязью и Советское правительство, и славную Коммунистическую партию. Мне рассказывали, что на китайских предприятиях с советских станков сбивают заводскую марку. Чтоб, значит, и духу советского не было...

Но на лжи и клевете далеко не уедешь. Никогда не поверю, чтобы китайский народ забыл, сколько добра сделал ему Советский Союз. Не может быть, чтобы отказались от своих чувств шанхайские текстильщицы, задушевные письма которых я храню до сих пор. Твердо уверена, что память о великом интернациональном подвиге Советского Союза живет в сознании китайского народа, и никакими измышлениями и бранью вытравить ее нельзя.

Я прядильщица и хорошо знаю чувства и мысли рабочих людей. Для всех нас Московский договор — это надежда жить в мире, без страха за завтрашний день, за своих детей. Ленинская миролюбивая политика, которую с такой настойчивостью проводит Центральный Комитет партии во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым, наше родное Советское правительство, — это наша политика. Ее горячо одобряет весь народ.

Мы очень хотим сохранить дружбу с Китаем и все делаем для этого. Не теряем надежды на то, что китайские руководители образумятся и откажутся от своей авантюристической политики. Но если они будут и дальше клеветать на Советский Союз, если и дальше будут вести дело к расколу, к войне, пусть знают: народы им этого не простят. Никогда и ни в чем не поступимся мы принципами марксизма-ленинизма, ни на шаг не сойдем с ленинского пути — пути к миру и счастью для всего человечества.

...Вот о чем я думала, когда голосовала за ратификацию договора, запрещающего ядерные испытания, в памятный день 25 сентября.

Я ГОЛОСУЮ „ЗА“!

Дарья СМЕРНОВА,

прядильщица комбината «Трехгорная мануфактура», член Президиума Верховного Совета СССР.

на,— всем им так нужен мир! То, что я говорила, были не только мои слова. Это воля всех моих избирателей, всех советских людей.

Конечно, было бы куда лучше, если бы мы могли ратифицировать договор не о частичном, а о полном запрещении и уничтожении ядерного оружия или даже вообще всякого оружия. Этого добивается Советское правительство, этого хотят все сторонники мира. Но и то, что уже достигнуто сейчас, очень важно и радостно.

До меня выступала Я. С. Насриддинова, председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана. Мы, матери, говорила она, особенно бываем рады, когда наши дети делают первые, пусть вначале неуверенные шаги. За их первыми шагами последуют другие, и со временем дети будут твердо стоять на земле. Так и с Московским договором: это первый шаг к ослаблению международной напряженности, а за ним последуют новые шаги. Вот постепенно и достигнем до поставленной цели.

Всем сердцем согласна с Насриддиновой. Как же можно отказываться от этого первого шага? Недаром Московский договор подписало более 100 государств мира. Его всей душой поддерживает и приветствует каждый человек на Земле, если он действительно Человек. А уж

вора люди, называющие себя марксистами-ленинцами, этого понять нельзя.

Китайские руководители считают, что если в мировой войне и погибнет половина человечества, то это не страшно: оставшиеся в живых построят «светлое будущее». «Светлое будущее» на трупах сотен миллионов мужчин, женщин, детей?!

Такое не укладывается в голову.

Мы хорошо знаем и любим великий, талантливый китайский народ. Китайцам нужен мир так же, как и всем нам. Я уверена, что ни одна китайская мать не хочет, чтобы ее ребенок сгорел в атомном огне или погибал медленной смертью от радиации. Как же этого не понимают люди, стоящие у руководства страной?!

В эти дни народы Китая отмечают 14-ю годовщину победы китайской революции и образования Китайской Народной Республики. Это праздник и советского народа. Китайская революция развивалась под прямым влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, наша страна всегда всеми средствами поддерживала революционные силы Китая. Радости китайского народа были и будут нашими радостями, а его печали — нашими печальми. Очень верно, что нас и китайцев называют народами-братьями.

ЗАРЕ РАЗГОРАТЬСЯ

«Мы строим коммунизм
И — человека».

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Виктор КАРПЕНКО

Пять лет назад в мире произошли два события, совсем не исключительных, но примечательных. В тот год в Англии некий промышленник Лесли Уркварт окончил карьеру полным банкротством. Тогда же на карте Северного Казахстана был отмечен новый город угольщиков — Экибастуз. То и другое — явления вполне закономерные. Но все дело в том, что сэр Лесли Уркварт и Экибастуз «лично» знакомы.

Дореволюционная Россия была для иностранных капиталистов беспроигрышным полем «зеленого сукна». А Лесли Уркварт обладал неплохим нюхом. Этот нюх и привел его в казахские необжитые степи. В богатом Прииртышье появились убогие копыры. Экибастузский уголь, майкаинское золото превращались в фунты стерлингов. Когда же специальным ленинским декретом было ликвидировано так называемое «Риддерское акционерное общество», одним из владельцев которого был Лесли Уркварт, англичанин обратился к Владимиру Ильичу с просьбой разрешить ему добывать уголь, мотивируя тем, что большевики и за сто лет не доберутся до богатств, которые там заложены. Но время посмеялось над незадачливым предсказателем. Награбленные фунты исчезли из его карманов, а в местах, где некогда виднелись лишь жалкие землянки, вырос новый город.

И вот я в этом городе. Здесь все говорит о молодости. И леса новостроек, и не успевшие как следует возмужать деревья, и даже жители. Средний возраст экибастузцев — 25—30 лет. На улицах, в скверах всегда много детей. Они всюду... И о них, о смене, думают в этом городе очень много.

Существуют выражения: «рабочий-контролер», «рабочий-корреспондент». В Экибастузе родился термин: «рабочий-воспитатель». Сейчас в городе их многие десятки.

Четверо с длинной улицы

Биография каждого из них была совсем короткой. А буйная мальчишеская фантазия не уместилась в рамках улицы, на которой они жили, хотя и была она самой длинной в городе. Приятелей влекла неизвестность, хотелось рискованных приключений. Они бросили школу и стали слоняться по городу, попутно колота фонари и девчонок.

Валерий Кравченко — старший из них. Быстрые, умные зрачки воровато бегали в узком прищуре глаз. И, пожалуй, не было такой мальчишеской шалости, которая не втемяшилась бы в его круглую, похожую на мяч голову. Еще в школе он не давал покоя учителям. Не один раз, глотая ярость и слезы, они убегали из класса. Верным и незаменимым другом Валерия во всех его проделках был Володя Буруханов. К Вовке Казанову и Кольке Салихову Валерий относился несколько критически и полагался на них только в исключительных случаях. А исключительных случаев с каждым днем становилось все больше и больше. Однажды, когда она всем четверым порядком приелись невинные забавы, они залезли в школьный буфет. Вслед за этим последовали другие «подвиги». В милицейских протоколах стали фигурировать их имена, но по малолетству дело кончалось для них легким испугом. Безответственным родителям было некогда заниматься детьми, а школа легче вздохнула, избавившись от сорванцов.

Комсомольская оперативная группа, которую возглавляет рабочий угольного разреза коммунист Владимир Заприй, заинтересовалась четверкой. Прежде всего выяснили причины, почему ребята стали безнадзорными. Члены группы побывали на дому у ребят. Неприглядными оказались обстоятельства их жизни. Но особенно трудно жилось Володе Буруханову. Отец, пьяница и дебошир, систематически избивал жену и сына. Вконец измученная мать Володи ушла из дому.

Комсомольская оперативная группа, созданная при горкоме комсомола, как и вся общественность города, включилась в поход за образцовое, коммунистическое воспитание детей. В нее вошла передовая производственная молодежь. Вечерами, после работы, члены группы часто засиживались в своем штабе. Необходимо было выявить всех подростков, не имею-

щих определенных занятий, вернуть их в школу. И когда были составлены списки, таких ребят оказалось около сорока. Их пригласили в горком комсомола, долго беседовали, выясняли, кто чем хотел бы заняться. За каждым закрепили в порядке шефства члена группы.

Четверо с длинной улицы уже не живут на ней. После того как отца Володи Буруханова лишили родительских прав, приехала мать и увезла сына. Валерка вначале скучал по тихому и не по-детски озабоченному другу, но вскоре утешился. В школе-интернате, куда определили с ним вместе и Кольку Салихова, немало нашлось новых друзей. Однако самым большим другом стал ему шеф — Петр Казанцев, экскаваторщик из бригады коммунистического труда.

Субботние вечера

Когда наступает субботний вечер, пустеют многочисленные комнаты школы-интерната. Отголосат и смолкнут. И сразу же тягучая пустота закружится во всю коридорную длину липкой, обжигающей тоской. В такие минуты в голову лезут самые обидные воспоминания, и не с кем словом обмолвиться, и хочется сделать такое, от чего лопнула бы эта ненавистная тишина. Для 35 мальчишек и девчонок субботние вечера были самыми долгими. Ребята бродили по гулким этажам и, вздыхая, нетерпеливо ожидали понедельника, когда вернутся от родителей товарищи и будто принесут с собою частицу домашнего уюта и ласки. Опять будет весело до самой субботы. Ито, детдомовцам, идти некуда.

Директор школы-интерната Иван Петрович Костенко в такие часы чувствовал боль каждого маленького сердца как свою собственную. Он знал, что никакими «мероприятиями» нельзя унять ее.

Но как-то раз в школу пришел инженер строительно-монтажного управления Виктор Филиппович Пархоменко.

— Я бы хотел пригласить к себе на воскресенье кого-нибудь из детей. Если можно, конечно...

И вот Лора Калмыкова, ученица четвертого класса, стала постоянной гостьей в семье Пархоменко. Жена Антонина Васильевна и сын Юра с нетерпением ждут субботы. Всей семьей они выезжают за город, ходят в кино, на стадион.

Родным домом для Кости Ушибко стала семья экскаваторщика Николая Ивановича Евстигнеева. В интернате Костя, воспитанник детского дома, был, пожалуй, самым угрюмым и молчаливым. У Николая Ивановича тоже было нелегкое детство. Может быть, поэтому его потянуло к Косте. Жена Евстигнеева встретила их без лишнего распросов, а пятилетний Сережа и трехлетний Олежка обрадовались, что у них теперь есть старший товарищ.

Иван Петрович Костенко рассказывает, что теперь по субботним вечерам в общежитии школы остается один сторож: закрывает парадную дверь на ключ и мирно дремлет до понедельника. Все ребята, не имеющие родителей, обрели их вновь, войдя полноправными членами в семьи рабочих.

«Ни одного неуспевающего ученика, ни одного прогульщика в школах, подготовим себе достойную смену!» — таков призыв общественности Экибастуза. Шестьдесят девять производственных коллективов, завоевавших почетное звание коммунистических, стали коллективными пионерскими вожатыми. Лучшие производственники берут индивидуальное шефство над детьми.

За стеной моего номера в гостинице жила какая-то делегация. Вообще, надо сказать, экибастузцы — народ гостеприимный и рады поделиться и хлебом и теплом своего сердца. Делегация, очевидно, закончила свою работу и собиралась в обратный путь. Проходя мимо приоткрытой двери, я неожиданно услышал:

— Я убежден, что новая форма отношений детей и взрослых вызвала к жизни резервы, о которых мы и не подозревали. Ведь ты подумай, рабочие идут к детям! Это обязывает их к чему-то? Разумеется! Они ведь не просто идут, они идут учиться, воспитывать.

Рисунок В. Рассохина.

И вспомнил я, что рассказывал мне Василий Васильевич Муварашкин — бригадир коллектива коммунистического труда экскаваторщиков.

Как-то в середине учебного года бригаду пригласили на пионерский сбор. Сначала взрослые, как водится, расспрашивали ребят, как те отдыхают, а главное, как учатся, а потом и сами услышали вопрос: «А у вас, дяди, как идут дела?» В ту пору по разным причинам бригада не выполняла месячного плана. Трудновато стало «дядям», покраснели, неловко им перед ребятами. С того времени бригада ежемесячно перевыполняет задание. Многие члены бригады учатся, и для подшефных далеко не безразлично, каковы успехи их шефов.

Главный штаб

Председатель горисполкома Бадугул Калиевна Дюйсекеева протянула узкую ладонь и улыбнулась.

— Вас интересует совет по коммунистическому воспитанию?

Есть у нас такой. Но, может, рано еще писать о нем, в сущности, только начинаем.

— Но ведь многое уже сделано...

— Что? А-а... Но еще больше надо сделать. Цыплят по осени считают...

Городской совет по коммунистическому воспитанию, во главе которого стоит эта хрупкая женщина, — главный штаб всей общественности Экибастуза. Совет состоит из секций.

Заведующая секцией по борьбе с детской безнадзорностью Евдокия Матвеевна Лапшина — опытный партийно-комсомольский работник. Сейчас она пенсионерка, но о покое и слышать не хочет. Интересные планы у секции по работе среди родителей, которую возглавляет завуч школы № 1 Лидия Ивановна Двоеглазова. В городе открыты университеты родителей. На предприятиях созданы советы родителей, родительские уголки, выпускаются стенные газеты, бюллетени об успеваемости учащихся. Секцией по организации отдыха детей руководит председатель райкома профсоюза угольщиков тов. Аймаганов. При содействии этой секции в городе создан детский парк, а за городом на берегу живописного озера Джасыбай построен пионерский лагерь на пятьсот мест.

Кроме совета по коммунистическому воспитанию, при горкоме партии имеется нештатный школьный отдел, которым руководит директор школы-интерната Иван Петрович Костенко. Основная забота отдела — улучшение учебно-воспитательной работы в школах города, внедрение опыта лучших школ Союза.

* * *

Сегодня я улетаю. Вечереет. Косые лучи мягко ложатся на жесткую, выжженную солнцем степь. Где-то уже рокошет самолет, расталкивая тишину, а я все смотрю на город и снова вспоминаю его содержательную жизнь. Я не расстанусь с нею, потому что в моем кармане исписанный блокнот. Он словно частица этого города, и эта частица навсегда останется со мною.

Лесли Уркварт, живы ли вы? А если живы, знаете ли вы, что такое счастье? Счастье — это жить для таких людей, которые живут для тебя. Вы предсказывали, что пройдут столетия, прежде чем расцветет этот край. А прекрасный город, вот он, стоит на заре, и этой заре суждено разгораться.

г. Экибастуз,
Казахская ССР.

Венесуэла борется

Недра моей страны богаты нефтью. Как магнитом, притягивает она американских монополистов. В их руках 75 процентов всей нефти, добываемой в Венесуэле.

Зависимость страны от американского капитала, предоставление концессий иностранным нефтяным компаниям сковывают развитие нашей национальной промышленности.

Капиталисты наживаются богатства, доходы иностранных компаний постоянно растут, а народ наш страдает от бедности и нужды. Около 500 тысяч венесуэльцев не могут найти работы. Жизнь все дорожает и дорожает.

Особенно трудно женщинам и детям. За одинаковый с мужчинами труд работница на заводе получает меньшую плату. Мучает женщин отсутствие детских яслей. Не в этом ли одна из причин того, что из 100 родившихся детей 55 умирают? Брошены без присмотра и дети постарше. Целыми днями сидят они взаперти в фанерно-жестяных ранчо без света, в духоте. В газетах можно часто встретить сообщения о безнадзорных ребятах, погибших от пожаров.

Жизнь в деревне тоже горька. Кре-

стьянка не имеет никакого медицинского обслуживания. Закон не защищает и не регламентирует ее труд. Работают женщины от зари до зари.

Но народ моей страны не склоняет головы. Мощная революционная волна идет сейчас по стране: уже несколько месяцев в разных районах действуют группы патриотов. Это партизаны Вооруженных сил национального освобождения.

Пытаясь удержать шатающийся режим, правительство усиливает репрессии. Сравниваются с землей целые деревни и рабочие поселки, в тюрьмы бросают рабочих депутатов, жестоко пытаются и убивают лучших представителей народа.

Женщины Венесуэлы вместе с мужчинами участвуют в борьбе.

Ливия Гувернер, юная студентка, погибла за то, что она была солидарна с кубинской революцией. Никогда не забудется ее имя — символ революционной Венесуэлы.

Трина Урбина — работница, член руководства Национального союза женщин Венесуэлы — руководит сейчас женским партизанским отрядом.

Правительство всячески преследует Национальный союз женщин. Здание, где работала наша организация, разрушено. Президента союза арестовали прямо на работе, дом ее сожгли.

Но ни преследования, ни репрессии нас не пугают. Мы знаем: все народы Латинской Америки и все народы стран социалистического лагеря с нами.

Очень много дала нам поездка на Всемирный конгресс женщин. Побывав в Советском Союзе, снова и снова думаешь о том, как дорог для нас великий пример русских, которые в октябре 1917 года с оружием в руках завоевали свободу. Сорок шесть лет прошло с той поры. Далеко вперед шагнул за эти годы народ-гигант. Он уверенно строит самое прекрасное общество на земле.

Мы знаем, что советские люди — наши друзья. В борьбе за национальное освобождение Венесуэлы мы всегда найдем у них поддержку. Сознание этого делает нас сильнее. Наш девиз: «Сделать родину свободной или умереть за Венесуэлу!»

Елена ГАРСИЯ,
общественная деятельница
Венесуэлы.

Мой Меридиан

Лия ШЕЙНКМАН,

кандидат медицинских наук,
член литературного объединения
«Московский автозаводец»

Из записок участкового врача

...Март будто ошалел — дует, ломает, льет. И вдруг неожиданно все стихает. Кажется, кто-то большой и добрый протер небо, снял с него остатки зимы. Сразу проглянули островки голубизны. У Заставы Ильича, ближе к «Серпу и молоту», небо розовое и дымное от сполохов плавок.

По Абельмановской заставе
Проходит мой меридиан.
Здесь ветер паруса расставил,
Звезду рукой качает кран...
Дома налево и направо.
Чужих и равнодушных нет...
Звонит рабочая заставка,
Где я врачу двадцать лет.

Сгибаю неуклюжие шеи, сизые краны взад-вперед острыми стрелами очерчивают небо. На секунду в голубой выси появился серебристый виток самолета. С задорным кумачовым флажком впереди, по-весеннему оживленный, промчался по шершавой мостовой автобус. В окне плакат: «Бригада коммунистического труда». За баранкой, шурясь от света, сероглазый водитель. На цигейковой шапке — веточка мимозы... Знай наших!

В этот весенний день все кажется необыкновенным. Раскрыв врачебную сумку, в который уж раз ощущаю жесткие листы свернутого в трубочку доклада о Международном женском дне. Впрочем, он понадобится мне только в восемнадцать ноль-ноль. А до выступления — прием в поликлинике, вызовы на дом...

— Таганка! — Водитель словно горсть гороха кинул в микрофон...

Сталкиваются резиновыми лбами и широко распахиваются двери.

— Боже, да это ж моя остановка!

Пулей выскакиваю на заснеженный тротуар. По самому краешку, словно стараясь отодвинуть его, булькает ручеек. Первый, счастливый. У меня всего несколько очень коротких минут. И все же заглядываю в ноздреватый, розовый от солнца сугроб, из которого выбежал этот веселый ручеек. Готовясь к свадьбам, галдят грачи. Воробьиная династия, чистя перышки, выклеивает набухшие зерна, чудом прозимовавшие на асфальте.

А время поджимает.

Но вот и Нижегородская улица. Три новых красавца дома крышами подпирают облака.

Первый вызов по списку.

...Тучный человек полулежит на раскинутом диване-кровати. Тяжелые веки прикрывают темные глаза. Две глубокие морщины сбегают от крыльев носа к губам. И от этого лицо кажется черствым.

— Здравствуйте, Николай Иванович! Поздравляю вас с Восьмым марта. — Кладу на клеенку круглого стола букетик мимозы, подаренный мне еще утром.

Николай Иванович приподнимает веки. Слегка теплеют глаза.

— Это вас надо поздравить, доктор.

— Вот и хорошо! Выходит, мы поздравили друг друга. А сейчас расскажите, что с вами. Когда заболели?

— Незаживо с сердцем, — с передышкой говорит больной, — с вечера ходунком ходит.

Радость весеннего дня мгновенно покидает меня... Больному под шестьдесят. У него тяжелая гипертоническая болезнь, и это не первая наша встреча. Сигнал об опасности: «красный свет». Опять «красный свет». Мы, врачи, почти постоянно работаем под «красным светом».

В беру тяжелую руку, заросшую темным пушком. Пальцы сами, как миноискатель, находят пульс. Впрочем, это не пульс. Сейчас это «мерцание» отделов сердца. Предсердий и желудочков. Сердце, как потерявший управление экспресс, несется навстречу гибели. Остановка может оказаться последней...

Восемьдесят, девяносто... Сто двадцать ударов в минуту.

Неужели сегодня Восьмое марта, солнце, синева?

— Сейчас все пройдет, — спокойно говорю я, а внутренние лихорадочно ищут выхода.

Такое ощущение, будто мы оба попали в темный, сырой туннель и нет выхода... С легким шумом с каменных стен падает на землю вода. Нет, это не вода, это дышит больной. Нужна «Скорая». Одной не справиться... Сжимаю влажную руку больного: пульс сто двадцать, сто двадцать пять... Подхожу к телефону... На черном матовом диске, как пули в обойме, десять

цифр. Но только две притягивают меня: «03». Набрать номер, и через четыре минуты «Скорая» будет здесь. Но больной привык лечиться у меня. Он верит мне. А увидев чужих людей в белых халатах, может испугаться, поймет, как велика опасность... Как в этом случае поведет себя сердце? Нет, риск чересчур велик... «Но это наверняка, — лукавлю я с собой. — Они войдут, скажут что-нибудь хорошее, наложат жгут, вольты в вену строфантин с глюкозой, и все будет отлично».

Николай Иванович, будто отгадав мои сомнения, тихо спрашивает:

— Вы не уйдете?

Слышу, как кто-то другой не моим, чужим голосом весело отвечает:

— Что вы! Просижу, если будет нужно, до вечера.

— А вызовы? — Он смотрит на бумажку с адресами.

— Вызовы подождут, — беспечно говорю я.

Решение принято. «Скорую» нельзя. Буду действовать сама.

Когда человек счастлив, время неется с космической скоростью. В этой же чужой комнате оно спит в узких, янтарного цвета, долгоносенных ампулах камфары, спрессовано в таблетках нитроглицерина. Узорчатые пузыри с горячей водой тоже не знают времени. В них не остывает вода. А глаза, глаза — это сверхпрочный тоненький мост, по которому от врача к больному передается уверенность, сила...

Пульс восемьдесят, почти ровный. Николай Иванович спокойно закрывает глаза. На секунду даю себе передышку.

— Какой сегодня день? — Кажется, это спросила я, потому что губы больного вдруг раздвигаются в подобие улыбки.

— Восьмое марта.

Вскакиваю. Стремительно, как поток, в комнату вдруг врывается время. Стрелки моей «Зари» показывают три. Еще несколько вызовов и доклад... Больной дремлет. Пульс хорошего наполнения.

— Что, если я на пять минут зайду в соседний дом? Там ждет больная женщина. Пока я вам не нужна.

В голосе волнение, просьба. Вдруг не согласится?

Николай Иванович кивает головой.

— Только недолго.

Не попадая в рукава пальто, почти бегом спускаюсь с пятого этажа.

Шесть минут четвертого. Родные больной волнуются.

— Ждем вас с нетерпением.

В следующие две минуты выясняется, что у больной аппендицит. На этот раз без колебаний набираю «03».

— «Скорая»? Возьмите больную. Адрес...

В прихожей звякают носилки. Шуршат халаты. Больную увозят...

Бегом возвращаюсь к Николаю Ивановичу. Пульс семьдесят шесть, без перебоев. Глубоко и радостно вздыхаю. Чудесный день — Восьмое марта!

...В конференц-зале уйма народа. Вот они, мои товарищи! Люди трудной, но самой замечательной профессии — врачи, сестры, няни. Многие из них носят высокое звание ударников коммунистического труда... И кто знает, сколько раз сегодня они работали под «красным светом»!

Председатель месткома предоставляет мне слово. Подхожу к столу. Бережно раскатываю сложенные в трубочку листки. Но не читаю праздничных стихов, не перечисляю цифровых показателей. Говорю о Родине, необъятной, в крупных ромашках и густой пшенице. О земле, по которой шагают похожие на Эйфелевы башни стальные вышки электропередач. О людях, поднимающих пласты целины, и, конечно, о наших замечательных женщинах.

* * *

...Быть врачом — счастье. Оно дается не дипломом — сердцем. Врача иногда спрашивают:

— Вам, наверное, тяжело, если умирают больные?

— Тяжело? Если б на минуту вынуть из груди врача сердце, то все бы увидели, что оно иссечено рубцами. И все же радости больше. И врач несет ее из дома в дом, врачует, помогая, утверждая самое прекрасное, что дано человеку, — жизнь.

Бывает, что за один короткий день проживешь сто жизней. Войдешь в квартиру, и ты уже больше не можешь быть только свидетелем чьей-то жизни, оставившим в память о себе рецепт.

...Сорок второй год. Врачей не хватает, работы по горло. Возле облупившегося дома на Средней Калитниковской улице шумит на ветру рябина. Осень чуть прихватила ее гроздь. Ягоды съежались, сбились в кучку. Под рябиной на табурете задумалась женщина. Скупые лучи осеннего солнца освещают ее поношенный шерстяной платок, опущенные плечи. Большие, натруженные руки отдыхают на коленях. Женщина смотрит на меня темными, печальными глазами. В лице ни кровинки. Частые морщинки сбегают от глаз к губам — сухим и скорбным. Такой я увидела Пелагею Ивановну Окрестину в первый раз. Она вошла в мою жизнь вместе с горькими приметами войны — бомбежками, болезнями, черствым пайковым хлебом.

Семья только что вернулась из эвакуации. Двое детей. Старшая, Жена,

тоненькая, белокурая. Младший, Вовка, неразговорчив, погружен в недетские раздумья. Муж Семен Яковлевич болен стенокардией. Старший сын, Борис, — летчик-штурмовик, воюет на Белорусском фронте.

— Давно нет весточки, — вздыхает Пелагея Ивановна.

— Все образуется.

Подбадривая ее, оглядываю более чем скромную обстановку комнаты, где живет семья. На стареньком комодике скототы скрепкой хлебные карточки. В комнате давно не топлено. Нет дров. Вернувшись в поликлинику, звоню в Ждановский районный Совет:

— Надо помочь и этой семье...

В тот же вечер общественницы нашей лечебно-профилактической бригады Гликерия Титовна Евсеева и Татьяна Николаевна Борисова пришли к Окрестинным.

Наша бригада... По примеру ленин-

После чаепития гости по обычаю ставят чашки вверх дном. Только не белеют на них кусочки сахара. Сахар — драгоценность.

...1944 год. Двадцатый вызов. К Окрестинным. У дверей кланяется знакомая рябинка, роняя мне в ладонь несколько красных, как кровь, ягод.

Полутемная комната. Остро пахнет камфарой. Тоненько дзинькают пузырьки с лекарствами. Глаза Пелагеи Ивановны сухи. В руке скомканная похоронная: «Смертью храбрых погиб Ваш сын — Герой Советского Союза...»

Как утешить, чем снять с сердца глыбу горя?

Волосы Пелагеи Ивановны, еще недавно темные, теперь словно присыпаны крупной солью.

— На вокзале, — шепчет Пелагея Ивановна, — сказала ему: «Я назвала тебя Борис, значит, борись! Борись до последней капли крови...»

Бригада общественниц в гостях у Пелагеи Ивановны Окрестинной. Слева направо: Т. Борисова, Г. Евсеева, С. Зиссер, А. Николаева, Л. Шейнман, А. Ермилова, А. Иванова и А. Желтикова. Сзади стоит Е. Капризина.

градских комсомольских бригад она родилась в начале войны. У активисток — матерей и жен фронтовиков, работавших при поликлинике, была своя «узкая» специальность. Одни ухаживали за больными и стариками, другие брали на себя заботу о сиротах, третьи наведывались в семьи фронтовиков и, если нужно, через районный Совет добивались помощи им. Все вместе вносили по кусочку солнца в затемненные квартиры.

Так было и у Окрестинных. Войдя в комнату, Татьяна Николаевна положила на стол гостинцы, урезанные из своего пайка: крохотный кирпичик сливочного масла, пакетик рафинада. Потом передала Пелагее Ивановне ордера на теплые вещи, которые прислал Ждановский райсовет, карточку на дополнительное питание из поликлиники. Гликерия Титовна, тяжело дыша, грохнула на пол охапку смолистых поленьев.

По полоске бересты рыжей беллой пымгнул огонек. Занялось веселое пламя. В кособокой кастрюльке закипает пшеничный суп. Булькает вода в синем чайнике.

— Давно не пила такого вкусного чая, — улыбается Пелагея Ивановна.

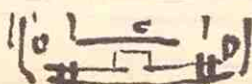
Снова камфара, кислородная подушка. Слушаю сердце. Кажется, далеко-далеко под стетоскопом тихо плещется вода.

...Январь 1945 года. Близка победа. Пелагея Ивановна стала членом нашей бригады. Она еще очень слаба. Но нужно, чтобы она как можно скорее почувствовала себя необходимой людям. Даю ей первое поручение. В доме № 7 по Большой Калитниковской улице живет инвалид Отечественной войны Федор Анисимович Леонов. Последствия контузии. Туберкулез легких. Язвенная болезнь. В пять тридцать утра его жена Мария Петровна, уходя на работу, закрывает дверь комнаты веревочкой. Конечно, приходят к больному соседи, врач, медсестра. Но чаще человек остается до вечера один на один со своим горем.

Пелагея Ивановна с трудом поднимается на невысокое крыльцо. Несмелой рукой разматывает веревочку на дверях. Стучится. Под грубошерстным одеялом на узкой койке лежит человек. Впалые щеки заросли серой щетиной. Он разжимает бледные полоски губ. Голос его равнодушен и слаб.

— Вы что?

Человек шевелит худой рукой. Оде-

ло сползает с плеч. Как велика ему бязевая, застиранная солдатская рубаха!

— Я к вам, Федор Анисимович. От доктора. От всей бригады.

Как эстафету, из дома в дом несет Пелагея Ивановна тепло, полученное от других. Теперь на ее стареньком шерстяном платье алеет значок «Отличнику здравоохранения».

...Шли годы. Другой конец Москвы, как другой меридиан. Пелагея Ивановна живет в новой квартире на Мосфильмовской, в красном кирпичном доме. Теперь другой врач выслушивает ее сердце. А я получаю от Окрестинных открыточки с приветами, иногда поклоны через друзей по участку. И вдруг узнаю: у Пелагеи Ивановны беда: умер муж, Семен Яковлевич; Женя и Вова болеют. Спешу к ней на новую квартиру.

Пелагея Ивановна почти не изменилась, только чуточку похудела, да виски еще больше побелели. Она не знает, куда посадить меня, чем угостить.

Передаю приветы от ее подруг по бригаде Анны Николаевны Ярцевой, Анны Михайловны Ермиловой, Анны Васильевны Николаевой...

— Они все еще «на вахте»? — удивляется Пелагея Ивановна.

— Как же! Они же сами говорят, что общественная работа у них в крови.

Пелагею Ивановну все интересует: хорошо ли помогают общественники, много ли вызовов, дают ли мне машину для разъездов.

Я рассказываю, что на Нижегородской улице, в доме № 18, открыта «комната здоровья». Ее своими руками отремонтировали общественники. Они сами настелили полы, оклеили стены, развесили шторы, плакаты. И в комнату пошел народ. Каждый четверг люди собираются на профилактические приемы. Читают там лекции по медицине, как в настоящем университете здоровья.

А через несколько дней в телефонной трубке рвется голос Жени Окрестинной.

— У меня большая просьба! — кричит она.

— Какая просьба? Что случилось?

— В Горьком мамин брат видел книжку, — всхлипывая, говорит Женя. — И там...

— Что там? Говори яснее.

— Там о нашем Борисе. Книга вышла в Воениздат в 1960 году. Мы обегали все магазины. Нигде нет... Мама совсем перестала спать.

— Как книга называется? Кто написал ее? Да не реви, Женя, я ничего не слышу.

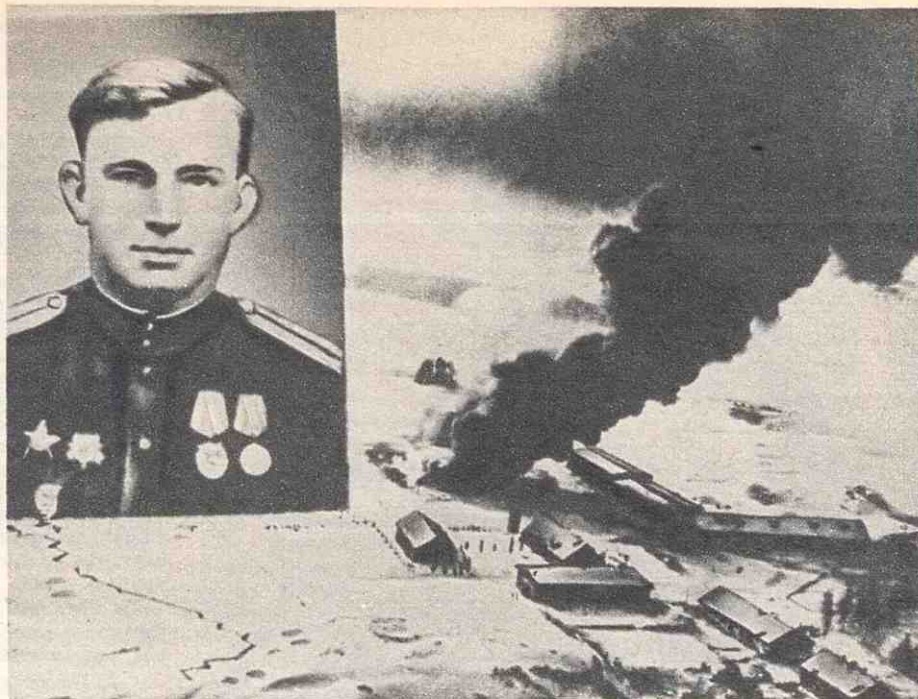
— «Так сражались гвардейцы». Ее написал командир Бориса, генерал-лейтенант Березовой.

— Ладно. Передай маме: книгу найдем. Пусть не расстраивается.

А потом на клочке бумаги появились десятки номеров телефонов, имен, фамилий. Наконец нужный адрес получен.

...Немолодой генерал Иван Никифорович Березовой умеет слушать. Рассказываю ему об Окрестинных.

Генерал достает из ящика письменного стола заветную книгу о гвардейцах, пишет автограф Пелагее Ивановне.

Фотография Бориса, подаренная П. И. Окрестинной генералом И. Н. Березовым.

— И ей — фотографию.

На карточке крохотные, похожие на спичечные коробки, ангары. Косой черный столб дыма. В левом углу снимка вмонтирована фотография юноши. Борис Окрестин смотрит на меня очень светлыми, такими знакомыми глазами.

— Эти взрывы на фашистском аэродроме — его работа. — Генерал кивает на снимок.

— Расскажите мне о Борисе.

Иван Никифорович смотрит в окно, вспоминает.

— Настоящий русский богатырь. Удивительно веселый. Кажется, никогда не знал страха.

Генерал курит папиросу за папиросой. Голубой дымок щекочет горло, высекая слезы из глаз.

* * *

Троллейбус мчит меня на участок. Последний вызов. На минутку сажусь передохнуть на зеленую скамейку возле дома, где прежде жили Окрестины. Словно спрашивая о чем-то, расшумелась моя старая приятельница рябина.

Рядом на скамейке молодая женщина в ворсистом колпаке. Обернувшись, она всплескивает руками, затянутыми в коричневые лайковые перчатки.

— Как, Лия Львовна, это вы? А мне рассказывали, что вы защитили кандидатскую. Я была уверена, что вы давно перешли в институт.

Два года назад Оленька, тоже врач, работала на соседнем участке.

— Нет, как видите, осталась здесь.

— Быть участковым ординатором? — Оленька делает презрительную гримасу. — Недаром «ординатор» по латыши значит — «обыкновенный», «заурядный»...

— Знаю. Но жизнь давно изменила это понятие.

Оленька качает головой.

— Не могу понять, почему вы не перешли в институт?! Ведь даже я в аспирантуре. Участок был для меня, ну, как бы это вам сказать, камнем на шее. Слякоть, мороз... Тринадцать вызовов. И вообще счастье не в этом.

— А в чем?

Оленька поднимает на меня серозеленые глаза, удлинненные стрелками туши.

— Трудно ответить так, с ходу. Но, безусловно, лаборатории, профессора, научная работа — только это дает уважение и, если хотите правду, положение в обществе.

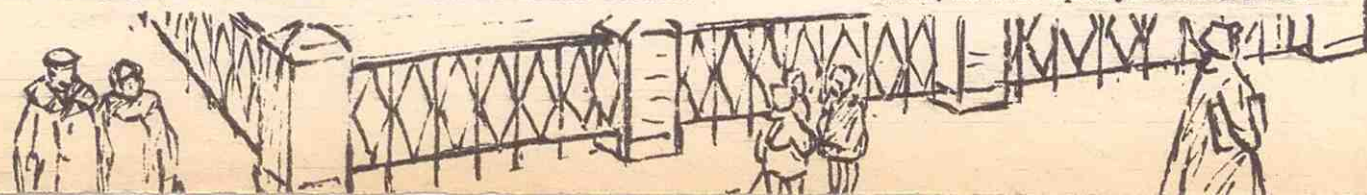
Оленька попала в медицинский институт случайно, не по призванию, и, окончив его, пришла на участок по разверстке горздрава. Поэтому и не «вросла» она в него корнями, не влюбилась навсегда.

За двадцать один год работы на своем участке я узнала многих замечательных врачей. Марию Григорьевну Машниц очень любят больные. Им становится легче от одного ее взгляда, прикосновения ласковой, заботливой руки. Семнадцать лет работает на участке и Екатерина Ивановна Малишевская. Елизавета Ефимовна Лизунова, в прошлом участковый врач, заведует теперь терапевтическим отделением. Участковый врач Валентина Федоровна Ладыгина выбрана депутатом районного Совета. Таких много. Для них «положение в обществе» — глубокое уважение и признательность многих сотен людей.

— Нет, нет... — говорит Оленька, открывая и закрывая сумочку. — Только научная работа дает врачу горизонт, перспективу...

— Профессора, лаборатории — это, конечно, хорошо, — говорю я. — Но научную работу можно вести и здесь. Мы молчали.

О чем-то рассказывала знакомая рябинка, но я не прислушивалась к ней.

Наташа Любеля

Фото Н. Маторина.

ИМЕНИ НАТАШИ

А. ЛЕВИНА

Я много пути для себя не ждала,
 Не искала окольных и легких дорог.
 Вот лежит он, тугой и прямой,
 Как стрела, как стрела,
 Через радость побед, через горечь тревог...
 (Из стихотворения Наташи Любеля,
 найденного в ее записной книжке.)

Человек прожил на свете всего двадцать два года. И успел построить кварталы нового города в степи, посадить сад, дать начало новой человеческой жизни. Как продвинулось бы человечество, если б каждый из нас к двадцати двум успевал сде-

лать так много! Это особенно видно сейчас, когда эта полубещаний жизнь трагически оборвалась... Однако я хочу сказать все по порядку.

С Наташей Любеля (тогда она носила такую фамилию) познакомилась в 1958 году в казахстанском городе Рудный. Строительство Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината в то время только начиналось: на Соколовской руднике добыли первые эшелоны руды, обогатительная фабрика еще строилась, а город — несколько кварталов двухэтажных оштукатуренных домов — круто обрывался в степь, и первая остановка автобуса называлась «Шагающий», так как там мотился шагающий экскаватор.

В арматурном цехе завода железобетонных изделий на меня глянули из-под красной косынки темные глаза.

— Да, я Наташа Любеля.

А потом, когда мы вышли из цеха и присели на сваленной грудой железные сетки-каркасы, я разглядела, как она удивительно красива. Это была та самая украинская красота, о которой поется: «Черные брови, карие очи». Эта красота могла показаться и вызывающей и броской, если бы не озаряла всю ее внутренний мягкий свет одухотворенности, который бы чуть приглушал внешние краски и делал еще заметнее пражение внутренней жизни. После каждого разговора с Наташей душа еще долго оставалась настроенной на ее волну, слушала ее чистый звук. Разговоров было множество, на самые разные темы.

О трудностях. Наташины руки в рыжих от несмываемой ржавчины мозолях сжимали и разжимали кусачки, с которыми она вышла из цеха.

— Не трудно ли? — повторила Наташа мой вопрос. — А все зависит от того, как кто понимает. Вот у нас табельщица десять дней болела, так меня уговорили ее заменить. Я думала, умру с тоски над теми бумажками, еле дождалась цех вернуться, а она довольна: чистая работа. Или вот я еще пример приведу. Приехали мы в Рудный с первым эшелонном в 1956 году. Из нашего класса с Вольни 12 человек, а с 39-го года. Степь. Трава. Дали нам палатки. Палатки 20 мест, а нас, девчонок, только 4. Ничего, говорят, завтра приедут ашхабадцы. Ну, мы решили их встретить. Дорожку песочком посыпали, цветы нарвали, на чемоданах поставили уют. А они вошли и давай ныть: «Ой, пола нет, а говори, что будет! Ой, сквозь дыры капает!» И пошло «ой» да «ой». Мы им говорим: «Не скулите! Уходите!» И они ушли, в Соколовку, на частные квартиры, коечниками. А ведь их уже ждали палатка, у нас же ничего не было.

Потом, когда мы закладывали фундаменты первых домов, палаток поставили целый город. И название ему дали — пятидесятипалатинск, и улицы названия имели по тому, кто в них живет: Украинская, Девчачья, Алма-атинская. А палатки — номера. Письма так и приходили: «112-я палатка, Наташе Любеля». И даже поговорку придумали: «Приехал в Пятидесятипалатинск — теперь не стонай!»

Об агитации словом и делом. Этот разговор происходил в комнате Наташиного общежития. Общежитие это в поселке строителей имело дурную славу и даже прозвище «Зверинец». Здесь жили «вербованные», среди которых были женщины неудавшейся личной судьбой. Случалось, комендант во время обхода выдворял из комнаты какого-нибудь парня, который «засиделся поздно и заночевал». Вначале в этом общежитии жило много девушек-комсомолок, но большинство ушло в другие общежития или на частные квартиры.

— Мы с девчонками поспорили, — говорила Наташа, — спор настаивают: надо уходить, а то и нас такими посчитают. Конечно, кому приятно — на танцплощадке и то слышишь: «Зачем из 25-го дома, их можно не провожать!» Но что ж, мы уйдем, тут пусть все по-прежнему остается? Вот в нашей комнате Наташа, бригадир изолировщиц, у нее был муж. Бросил ее с ребенком, оскорблял, ну, она ребенка матери оставила, уехала сюда. Ей вроде теперь все безразлично. Не верит она никому. Не верит она никому — как в лицо плюнуть.

Наташа не знала, что я уже приходила в общежитие раньше, утром, надеялась застать ее после ночной смены. Я увидела на столе окурки, бритву и беленькую худенькую женщину, которая торопливо прибирала все это, уже одетая в комбинезон. Она поймала мой взгляд и выпрямилась, словно какая-то птица жина обиды раскрутилась в ней.

— Осуждаете? Да? Тоже, небось, чистенькие?

Но, узнав, что я к Наташе, сразу переменяла тон.

— Наташа — золотая девка. Цены ей нету. Тут ее подружка жила, Неля, на частную ушла. А на днях вечером с агитаторами заявлялась — так я ее за дверь выставила и сказала

«Ты меня воспитывать не ходи, ты меня уже спиной сагитировала. Твоими словам веры нет». А Наташа, она, конечно, девчонка, жизни не знает. Но от людей не гордится. Вечером сядет книжки свои читать — не для себя, вслух читает, и все-то у ней стихи. — Женщина уважительно показала на Наташину этажерку с книгами. Я успела разглядеть одностомник Блока, красный корешок Багрицкого. — И все-то неслышанные. Иной раз думаешь: а может, еще переменится жизнь-то, и будет еще что хорошее, раз так-то Наташки есть, а?

О революции. Этот разговор получился у нас после пленума горкома комсомола. Как всегда, больше говорили о недостатках: на фабрике плохо работает штаб, у отделстроевцев сорвалось соревнование. А потом пленум закрылся, все встали и запели «Интернационал». Окна были распахнуты в теплую майскую ночь, и над Рудным, над его первыми кварталами и неокрепшими деревьями неслось: «Мы наш, мы новый мир построим...»

Гурьбой вышли на улицу, шли широко, как во время демонстрации. И молча. Было тихо. Но казалось, что могучая волна «Интернационала» все еще колыхается в воздухе.

— Знаете, — тихо сказала Наташа, — для меня всегда «Интернационал» — это какое-то священное таинство революции. Еще с детства. Отец у меня был коммунистом-подпольщиком на Волыни. Я хотя и совсем маленькая была, помню, как он и его товарищи пели у нас «Интернационал»: шепотом, вполголоса — и какая в этом была сила. Вот и сейчас, сегодня вроде говорили только о недостатках, о сделанном как-то не принято говорить, а вот запели «Интернационал», и сразу выступило главное: и что руду открыли, и фабрика строится, и город в степи есть, и что мы все тут! И ясно стало: революция продолжается. Здорово, правда?

О том, как стать журналистом. Наташа призналась мне, что ее самая большая мечта — стать журналистом. Но как? Поступить на факультет журналистики? А о чем она будет писать, что она знает? И вот поэтому-то она поехала не в университет, а по комсомольской путевке сюда.

— Работала мотористкой на бетонном, сейчас — арматурщицей и учусь на курсах крановщиков. Через месяц приехали, меня бы, знаете, где застали? Вот! — Наташа показывала туда, где высоко в воздухе, вровень с кабиной крана, рассказывалась железобетонная плита. — Стану крановщицей. Я ведь хочу писать историю Рудного от первой палатки. Значит, я должна сама через все это пройти, как вы считаете?

Песня. А однажды мы с Наташей не разговаривали, а просто вместе сочиняли песню — так уж вышло. Было воскресенье, и мы пошли к Тоболу. Пахло польюнью, степью. Мы долго сидели у воды, радуясь зеленым веточкам кустарников — этих деревьев степи, а потом мы шли к городу и сочиняли про него песню. Собственно, сочиняла песню Наташа, а я только подхватывала и кое-где «стругала» слова:

Пускай нам будет трудно!
Пускай нам будет трудно!
Не то переживали
в 17-м году!
Клянемся вам, ребята,
построим город Рудный!
Построим город Рудный,
дадим стране руду.
Есть города другие,
где улицы в асфальте,
В глаза песок не сыплет
там кустанайский дождь.
Но если ты уедешь
из города на калыке,
То молодость и счастье
ты больше не найдешь.
А если будет надо,
а если будет надо,
Семидесятипалатинск
Раскинем мы опять...

Портрет Наташи Любеля, девушки в алой косынке с комсомольским значком, был напечатан на обложке августовского номера журнала «Работница» в 1958 году; я попыталась рассказать о ней и ее товарищах в очерке. Потом написала ей письмо, она ответила. Завязалась переписка. Так родилась пачка пожелтевших писем, которые я с рвущимся сердцем перебираю сегодня.

1958 год. «Отвечаю Вам не сразу — очень много дел. Сдала экзамен на крановщика. В горкоме комсомола нам дали поручение — выпускаем сатирическую газету «Разрешите потревожить». Первый номер, кажется, понравился. Недавно на литературном кружке обсуждали мой очерк «Начало большой биографии», о моем учителе — крановщице Зине Запорожан. На конкурсе в честь Дня советской молодежи он занял первое

место. Но это, видно, потому, что другие были еще слабее. Я его вам посылаю для критики».

1959 год. «Сатирическая газета продолжает выходить. Ребята несут материал со всех участков. В свободное время я повторяю литературу, историю — готовлюсь и пишу. В апреле напечатали два моих очерка о первых строителях Рудного в сборнике и в газете. Работаю на кране. Говорят, неплохо».

Да, она стала хорошей крановщицей. Начальник кранового парка Донзин рассказывал мне, как Наташа стойко вела себя во время одного ЧП. Она тогда работала на строительстве обогатительной фабрики, на самом ответственном участке. Кран поднимал железобетонную плиту, и в этот момент вылетела тормозная лента. Внизу в котловане фундамента работали люди. Все решали секунды. Стоило крановщику растеряться, испугаться, и плита упала бы на людей. Но Наташа не растерялась. В долю секунды приняла она единственно верное решение: повернула стрелу, и плита упала и разбилась в стороне от котлована.

А письма догоняли друг друга...

1959 год. «Пишу из Львова. Сдала экзамены в университет. В Львовский — потому, что я приезжала домой на Волынь, у меня сильно болела мать. Конкурс был трудный, но теперь все позади. У меня теперь такое желание учиться, как никогда. А, может, я еще переведусь на заочный и уеду опять на стройку. Очень соскучилась по Рудному».

Она все-таки не выдержала — уехала в Рудный, стала заочницей. Письма приходили все реже. Но однажды морозным декабрьским вечером Наташа явилась сама, заехала по дороге во Львов, на зимнюю сессию.

До позднего зимнего рассвета говорили мы о всех новостях Рудного. О том, правильно ли она сделала, что перевелась на заочное. И о том, совместима ли журналистская профессия с семейным существованием; оказывается (новость, о которой она постеснялась мне написать), осенью, вернувшись из Львова, она вышла замуж за комсорга завода железобетонных изделий Лешу Честных. «Он — настоящий», — сказала мне про него Наташа.

А потом стали опять приходиться письма.

1961 год. «У меня много новостей. Перевелась в Уральский университет — Свердловск-то ближе. Зимнюю сессию сдала досрочно. Очень волновалась. И, наверное, поэтому также досрочно родила дочь. Дочь вся в меня, смуглая, чернышкая, как цыганенок. То обстоятельство, что она раньше времени появилась на свет, мало повлияло на нее, и она растет здоровой девчонкой... Приезжайте в Рудный, заблудитесь теперь. Город построили до самого Тобола. Есть широкоэкранный кинотеатр, четырехэтажные дома».

1962 год. «Ваше задание выполняю — посылаю заметку о бригаде коммунистического труда. Дочка растет. Знаете, выяснилось, что я очень люблю детей, если б я еще не любила работать, то я бы завела себе их кучу. Но без работы я тоскую. Через неделю выхожу на кран».

И вот я иду по Рудному, одна, без Наташи! Она была права: в этом городе можно и заблудиться. Высокие, многобалконные дома. Над сколькими из них, прежде чем они выросли, хлопотал Наташин кран. Проспект Ленина. Вот он, ее последний дом. Непадно палит августовское солнце. Сегодня 28 августа — годовщина трагической гибели Наташи. Я стараюсь представить, что произошло здесь год назад. Говорят, в этот день был очень сильный ветер, тот самый ветер с песком, что зовется «кустанайский дождь». В обед она еще прибежала домой, приласкала дочку, виновато сказала свекрови: «Мама, я задержусь, сегодня бюро».

Она торопилась на это бюро, когда кончилась смена, и уже сошла с крана. Но тут пришла еще одна машина оконных перемычек. Надо было разгружать. Кран постанывал от ветра.

Наташа выглянула из кабины: вроде бы много за один раз прицепила такалажница, но, если много, остановит ограничитель грузоподъемности. Она не знала, что кран неисправен, что ограничитель не действует.

Авария. Что видела она в этот последний миг падения: белые крыши своего города, небо, Тобол?.. Авария... Были виновники этого, их судили. Но здесь речь не о том.

Прошел год.

И вот я перебираю Наташины книги и рукописи...

«Русская диалектология» и «Кобзарь» на украинском, собрание сочинений Льва Толстого, «Строительные машины» и «Грамматика русского языка» издательства Академии наук, Буало и Дмитро Павлычко... Чего только нет на этой этажерке крановщицы и филолога! Конспекты, словари, опять конспекты. Но вот тоненькая сшитая тетрадь «Курсовая работа по

устному народному творчеству студентки 1 курса филологического факультета на тему «Идейно-художественный анализ целинных частушек, распространенных в Кустанайской области».

Что ж, у всякого студента есть курсовая! Но далеко не у всякого в литературоведческой курсовой можно найти такие строчки: «В августе 1957 года, отправляя заводам Урала первый эшелон руды, девушки — машинисты электровозов пели:

От Родины задание
Срочно принял комсомол
И на первое свидание
К Руде Сарбаевне пришел.

...Комсомольцы-строители холодной осенью 1956 года, живя в палатках в степи, не унывали, а строили и мечтали о том времени, когда

Город Рудный станет садом,
Наши сбудутся мечты,
Мы пойдем с тобою рядом,
Нам с тобою по пути.

Частушки часто строились, как разговор двух подружек:

А я своему пишу:
«Приезжай ко мне, милон.
Адрес мой: поселок Рудный,
Палаточный городок».

Да, материал для этого исследования собирался не только в библиотеках, а исследователь сам жил по адресу: Палаточный городок.

...Я стою у Наташиной могилы. Простая ограда, погасшие цветы венков, железная красная звездочка, как на могиле солдата.

Она и впрямь солдат, погибший на боевом посту.

Наташа мечтала написать книгу. После нее осталось две книжки, обе тоненькие, обе синенькие, в одинаковых коленкорных переплетках: «Трудовая книжка» и «Зачетная книжка». В первой мелькают записи: «Рабочая бетонного завода», «Арматурищица», «Станочница точной сварки», «Крановщица». Во второй: «Латинский язык», «Античная литература», «Введение в языкознание», «Лексика». Я не сомневаюсь, что из скрещения этих двух синеньких книжек родилась бы ее большая, главная книга. Но неужто она так и останется ненаписанной?

Я иду от кладбища к городу медленно-медленно, той самой дорогой, которой мы когда-то возвращались с Тобола. И из зеленой ладони степи, словно в сказке, возникает многоэтажный белый город. И там, где он все дальше уходит в степь, снова занесли свои руки краны и выглядывают из кабин обветренные лица крановщиц: один солдат упал, другие продолжают бой за город, город широких проспектов, бетона, стекла, зелени, света. Город в степи — разве это не лучшая страница твоей ненаписанной книги, Наташа?

Я опускаюсь в карьер Соколовского рудника. Не устая, гребут руду экскаваторы, звенят, проносясь, думпкары, я стою над гребнем Сарбайского карьера, которому не видно конца, — миллионы тонн руды уже увезли отсюда к домнам и мартемам шлоны, уже сделаны из сарбайского металла тракторы и ученические перья, и где-то за тысячи верст отсюда они дописывают главы твоей книжки, Наташа.

Я держу на коленях маленькое теплое существо с удивительно твоими глазами. Дочка! До чего она похожа на тебя! И не зря соседки, торопливо забегающие приласкать ее после смены, неизменно оговариваются и называют ее не Леночкой, а Наташей и украдкой от нее смахивают слезу. А поздно вечером приезжает со стройки папка — Алексей и долго, неотрывно смотрит в ее, совсем твои глаза, Наташа.

Леночке скоро три. Растет дочка. И вырастет, и в паспорте ее будет написано: место рождения — город Рудный, город, который строила мама.

* * *

Шумит горком комсомола. То и дело хлопают двери. Только что приехавшие девушки-штукатуры из ФЗО протягивают участнику Люде свои учетные карточки. «Да, новички. Сегодня приехали. Город нравится: красивый, современный. Есть салон дамского платья, магазин «Восход» и кафе «Лакомка». В это общекитие не хотим, нет ванны, только душевая... Что? Палатки, воду таскали из Тобола? Ну, это, наверное, очень давно было. А где про этих ребят можно узнать? А здесь в горкоме нет какого-нибудь комсомольского музея первых строителей?»

Об этом же я спрашиваю и секретаря горкома комсомола. «Надо бы, — признается он, — но знаете, как-то все на первом плане сегодняшний день».

Нет, нельзя вырастить героев завтрашнего дня, если не помнить о героях дня вчерашнего! Разве строитель, погибший на своем посту, не остается навеки в перенге наступающих!

В пионерской комнате 13-й школы пионервожатая Надя Сивун, Наташина подруга по университету, рассказывает о ней притихшим ребятам.

— А давайте попросим, чтоб нашу дружину назвали именем Наташи, — предлагает Галя Соколовская. — И соберем у себя в пионерской все материалы о первых строителях Рудного. Давайте все вместе допишем ее книгу.

1 сентября. Открываются двери новой школы, и первыми через ее еще высокий для них порог перешагивают перво-классники. Они родились в 1956 году — году, когда Наташа Любеля с эшелонном добровольцев приехала строить город у Тобола. И у многих из них в метриках стоит место рождения: поселок Комсомольский (это первое название Рудного).

Пусть проживут они долго-долго, хоть сто, хоть двести лет. Но если им суждено прожить только двадцать два, пусть проживут они их так, как Наташа, пусть останется после них город, сад и новая человеческая жизнь.

Вот каким стал город Рудный.

Фото В. Давыдова (ТАСС).

РОВЕСНИЦА ОКТЯБРЯ

Анна КУЗНЕЦОВА

В музыкальном училище имени М. М. Ипполитова-Иванова идут экзамены. Зал почти пуст. Только в центре партера несколько человек — экзаменационная комиссия. На сцене один певец сменяет другого — экзаменуется класс преподавателя Татьяны Талахадзе.

Татьяна Емельяновна, конечно, здесь, в зале. Она сидит, опершись лбом на руку, словно заслоняясь от яркого света. Ее покойная поза обманчива, Талахадзе волнуется, быть может, больше своих питомцев, и болью и жгучей досадой отзывается в ее сердце каждая глухо звучащая нота.

У Татьяны Емельяновны много учеников. Среди них инженеры, служащие, работницы. И ей, ровеснице Октября, выросшей среди могилевских рабочих, особенно радостно учить их.

* * *

...Зима еще не совсем отступила, и за ночь мороз сковывал землю. Большие отцовские валенки с дырами, заткнутыми соломой, цепляются за мерзлые кочки. Идти трудно. А тут еще мальчишки. Они дразнят Таню «Кот в сапогах», хотя в своем коротком рваном пальтишке она скорее похожа на Золушку.

— Я артистка, — говорит, насунив светлые бровки, девочка и, притопывая большими валенками, запевает тоненьким, рвущимся голоском: — «Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела, оглянуться не успела...»

И вдруг замолкает на полуслове. К ее ногам упал кусок черного хлеба, спрятанный под пальто. Таню и двух братишек кормила вся деревня. Но Таня не умела есть одна и, спрятав на груди хлеб, несла его отцу.

Не лил Емельян, пока жили они в городе Могилеве дружной семьей. А как умерла жена и он остался с тремя детьми мал мала меньше — запил, уволился со службы и уехал в деревню к дальней родственнице жены.

Таня помнила мягкий голос матери, ее ласковые бледные руки, и когда «тетечка» — так звала она родственницу — впервые прикоснулась своими жесткими, цепкими пальцами к ее голове, Таня заплакала.

«Тетечка» с утра уходила на целый день, а отец потихоньку обменивал свою одежду на самогон и денатурат... А когда месяц стало нечего, лежал на лавке, воткнувшись взглядом в потолок.

Иногда он вдруг подымался, садился на постели, улыбаясь, гладил Таню по голове и говорил:

— Вот ты вырастешь, Танюша, станешь артисткой, будешь высокая, красивая, как мама, и так же петь хорошо будешь. И до чего ж ты худая! — вдруг прерывал он себя. — И до чего ж мала! А все я, океанный!

Отец бросался на грязную подушку. И Таня знала, что разговаривать с ним теперь бесполезно.

Весной отец умер. Собрав немного денег, «тетечка» повезла сирот в Могилев, чтобы определить в детский дом.

В детском доме детей обучали не

только общеобразовательным предметам, но и танцам.

По какой-то счастливой для Тани случайности к Октябрьским праздникам решили поставить пьесу с пением «Стрекозы и муравей». Роль Стрекозы поручили Тане. Размахивая крылышками, Таня пела:

«Уж как мне холодно. Уж как мне голодно...»

На спектакль пришли представители из Наробраза, рабочие ткацкой фабрики, дети.

Таня еще не успела снять платье Стрекозы, когда к ней подошли мужчина и женщина. Он — в косоворотке и пиджаке внакидку — напоминал чем-то отца. Она, затаив покрепче кончики белого платка, из-под которого выбивались тронутые сединой волосы, наклонилась и поцеловала Таню раз, другой, пока та неожиданно для самой себя не обхватила ее шею руками.

На другой день Таня переселилась к взявшим ее на воспитание маляру ткацкой фабрики Ивану Мироновичу Петрову и его жене Анастасии Игнатьевне. А ткачихи фабрики стали ее заботливыми друзьями.

У Анастасии Игнатьевны была мечта: отдать Таню в музыкальную школу.

Следующей осенью эта мечта осуществилась. С заплетенными аккуратно косичками, в черном сатиновом платьице, с большой самодельной папкой, на которой Иван Миронович вывел большими буквами «музыка», Таня отправилась на первый урок в музыкальную школу имени Римского-Корсакова. И вскоре она уже выступила с хором рабочей молодежи.

В 1930 году Таня с отличием окончила музыкальную школу. Но в это время, как на грех, заболел Иван Миронович, и Тане пришлось поступить счетоводом в контору Запжельдорстроя. На какое-то время она стала главным кормильцем семьи. А в свободные от работы вечера продолжала выступать с молодежным хором. Когда отец поправился, Анастасия Игнатьевна заговорила о поездке Тани в Москву. «Разве мы ее всем миром растили для того, чтобы ее талант зачах?» — говорила она.

...Прямо с поезда Таня отправилась в Московскую консерваторию. С деревянным сундучком в руках, в суконной теплой шубе, которую «от некуда девать» пришлось натянуть на потные плечи, изнемогая от жары и волнения, Таня долго стояла у дверей консерватории. Оказалось, что экзамены начнутся только через два дня.

Две ночи Таня просидела в консерваторском садике, а днем ходила в кино, покупала билеты сразу на два сеанса и отсыпалась вволю.

Экзамен показался Тане большим, волнующим праздником. Она пела последней. Вышла на сцену, когда уже зажглась большая хрустальная люстра. Пела много: классические романсы и арии, — закончила арией Лизы из оперы «Пиковая дама».

Т. Талахадзе в роли Царевны-Лебедь в опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

Наклоняясь к одному из членов жюри, профессор Райский сказал:

— У этой девочки уникальные данные.

В числе первых Таня была принята в консерваторию, а вскоре ей назначили персональную стипендию.

В 1938 году молодую певицу пригласили в Государственный ансамбль оперы, которым руководил И. С. Козловский. В этом же году она окончила с золотой медалью консерваторию.

В Малом зале консерватории на мраморной доске, где высечено «окончили с отличием», значится и имя Татьяны Талахадзе. И вот она солистка Большого театра.

Шли годы, наполненные напряженной работой. Новые партии в операх, сольные концерты, поездки за рубеж. И все-таки самым дорогим воспоминанием остался концерт перед земляками.

...Заслуженная артистка РСФСР Т. Е. Талахадзе шла по улицам родного города и радовалась: некогда захудалый городишко стал огромным промышленным центром. Вечером предстоял концерт для могилевских ткачей и швейников.

Снова и снова она пересматривала репертуар. Хотелось спеть все самое лучшее. Она думала и над тем, что сказать своим старым друзьям, но мысли смешались, едва она вышла на сцену. Зал гудел от оваций. Таня запела любимую арию — Лизы. Когда она закончила, в зале сначала тихо, потом громче послышалось:

— Та-ня! На-ша Та-ня!..

* * *

Сейчас, когда пишутся эти строки, Татьяна Емельяновна начала новый учебный год. Она терпеливо и настойчиво, как и в прошлые годы, готовит молодых вокалистов. Но есть у нее и личные творческие планы — она работает над несколькими новыми оперными партиями и большой концертной программой.

Особенно радуют успехи дочери Ивана Мироновича и Анастасию Игнатьевну, которые давно уже переехали к ней в Москву.

ПУЛЬС С ПЕРСБ

Из Омска приходят тревожные вести: плохо работает городской транспорт. В автобусах и трамваях давка, на остановках большие очереди, машины ходят нерегулярно. Наступает зима. В тридцатиградусный мороз трудно выстоять на остановках по 10—15 минут. А ведь женщинам приходится ездить с детьми.

И сейчас очень важно выявить все недостатки в работе транспорта и постараться их устранить. Вот почему в Омске был проведен рейд рабкоров. В нем приняли участие тридцать человек: работницы омских заводов и фабрик, депутаты районных Советов, общественные контролеры.

«Несознательный» пассажир и четкий график

Петр Акимович Макаrchук, начальник эксплуатационной службы горавтотреста, не без гордости развернул перед нами схему маршрутов пассажирского транспорта Омска. Паутина синих, зеленых, красных линий легла на карту большого города, крепко связала центр с рабочими поселками, крупными заводами.

А вот и график движения. Продуманный. Четкий. Интервалы между автобусами на каждом маршруте небольшие. Машины в часы «пик» достаточно.

Странно, почему же в таком случае жалуется на плохую работу транспорта омский пассажир? Из-за склонности характера? Почему ездит на подножках, уцепившись за хлястики пальто соседа? Из-за несознательности? Ответ на этот вопрос мы и начали искать.

Утро разбудило город. Пока еще редкие прохожие стекаются к остановкам трамвая, троллейбуса, автобуса. У здания почты уже большая, нетерпеливая толпа. Многие то и дело посматривают на часы и в сторону моста через Омь. Оттуда должен появиться автобус № 1. Волнуются девочки с завода синтетического каучука: им предстоит длинный путь до городка Нефтяников. А там — пересадка на трамвай. Проходит пять, семь минут... Автобуса нет. Наконец он подползает, тяжело отфыркиваясь. Сквозь стену висящих пассажиров пронзительный голос кондуктора:

— Куда лезете? Отправляю...

Следующий подошел через восемь минут, и снова переполненный. Через минуту пришел третий, и тут же вслед

за ним на секунду притормозил четвертый — полупустой.

Четкость и точность графика движения остались в клеточках таблицы. А на улице из ворот автопарков вылезла неразбериха. И это не случай.

Командир или сторож!

Казалось бы, трудно водителю «выбиться» из графика. Ведь на каждой линии есть диспетчер — контролер и командир движения. Но...

Конечный пункт первого маршрута. Подкатил автобус № 258. Выскочил стремглаз шофер, подбежал, запыхавшись, к окошечку диспетчерской. Наверняка опоздал.

— Сколько? — спрашивает диспетчер.

— Пятнадцать сорок.

И в путевке тотчас же появляется эта цифра. Смотрим на часы — 15.50. Диспетчера А. П. Макаrchук это не смущает: в диспетчерской нет часов. Впрочем, трудно назвать диспетчерской грязный дощатый сарай. Стол с разбитым автобусным стеклом, бачок для воды — вот и все оборудование командного пункта. А где рация, телефон? На линии авария. Вышел из строя автобус. Как сообщить о случившемся в центральную диспетчерскую, откуда можно ждать помощи? Только запиской с попутной машиной. Такое сообщение доходит лишь через несколько часов. Но и в центральной диспетчерской из-за плохой связи не знают положения на линиях, не знают, откуда можно снять машину и направить на прорыв, бывает, что помощь так и не приходит. Командирам не дана возможность командовать.

И превращаются поневоле некоторые диспетчеры городского транспорта в обычных сторожей сараев, вагончиков, будок.

Дела ремонтные

Дежурный центральной диспетчерской нам сообщил: сегодня первый автобусный парк должен был выпустить на городские магистрали 215 машин. Вышло же только 185, да и то 29 из них вернулись вскоре в парк.

Так случилось сегодня, так, или почти так, было вчера, и завтра будет то же...

Унылое впечатление оставляет первое автохозяйство. Во дворе настоящее кладбище машин — с искореженными

кузовами, разбитыми окнами, фарами, сорванными дверями. Давно уже требуют они капитального ремонта, а их чуть-чуть подлечат и опять выпускают на улицы.

На текущем ремонте машин значительно больше, чем положено по плану. И не скоро они вступят в строй: нет запасных частей, нет двигателей, коробок передач, подшипников. А с полусаями и вовсе плохо. Встань какой-нибудь автобус на ремонт — с него моментально снимут полосу и пристроят другому «инвалиду»; тот побеждает немножко и возвратит деталь владельцу. Точь-в-точь как в той семье, где одна пара галос на всех.

Положение с запасными частями очень тревожное и во втором пассажирском хозяйстве, и в трамвайных депо, и в троллейбусном парке. Но беда еще и в низком качестве ремонта. Чем же иначе можно объяснить тот факт, что за один день сошло с маршрутов 29 автобусов, из которых многие побывали недавно в ремонтных мастерских!

Главный инженер горавтотреста Н. А. Яковлев ссылается на недостаточную квалификацию слесарей-ремонтников, плохой контроль за их работой. Но ведь существует в практике московских, ленинградских автохозяйств агрегатно-участковый метод ремонта, который как раз помогает устранить эти недостатки. Почему же он до сих пор не получил в Омске права на жизнь?

Несмешные истории

Уж так повелось. Перепалка между водителем и диспетчером стала необходимым утренним ритуалом.

— Не могу я выйти на линию! — горючится водитель-новичок. — Слабые тормоза...

— А у меня план выпуска, — рубит диспетчер.

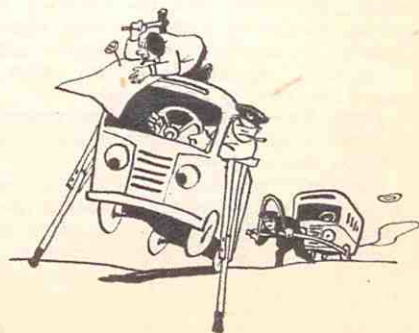
Водитель нехотя садится за руль. Троллейбус выходит из ворот. Разворачивается и... въезжает обратно в парк, только через другие ворота.

А диспетчер уже поставил галочку о выходе машины в сводке для управления.

20 августа парк выпустил 45 троллейбусов — 11 возвратились на ремонт; 21 августа вышло на линии 49 машин — 10 вернулись.

...Водителю Владимиру Костусенко нужно было сменить у троллейбуса рессору. Рессору взял в кузнице, а вот

Рисунки М. Петрова.

ОЯМИ

втулки не подошли. Стал искать втулки. Полдня искал.

— Нашел?

— Нашел. Вон там, за углом, в траве.

...Стоит во дворе совершенно новенький троллейбус «ЗИУ» с гаражным номером «76». Но почему он без колес? Всего 14 дней проработал бедняга. Встал на мелкий ремонт. А начальство распорядилось: снять задний мост, поставить на другую машину. Лиха беда начало! Через несколько дней сняли одно переднее колесо, потом второе, потом... Так и растащили новую машину по винтикам, по гаечкам.

И ничего, все сошло с рук.

...На чистые утренние улицы Омска выходят троллейбусы, залепанные грязью, с толстым слоем пыли на бочках. Страшно подойти к такой машине. Неужели так трудно помыть троллейбус? Да, нелегко. Мыть его приходится кондуктору после смены обыкновенной швабры. А где же механическая мойка? Нет ее. Давно уже лежит на складе оборудование для мойки, да вот никак не удосужатся установить его в парке. Руки, что ли, не доходят? Может, новый директор, двенадцатый за восемь лет, решит наконец эту «сложную проблему»?

Где пообедать!

В горисполкоме считают, что одна из основных причин плохой работы городского транспорта — текучесть кадров. Только в трамвайно-троллейбусном управлении за 7 месяцев этого года уволилось 358 человек.

Почему? Давайте посмотрим.

Идет по улице трамвай. Останавливается у Центрального рынка. Девушка-водитель соскакивает с подножки и пристраивается в очередь за пирожками. Пассажиры ждут. Минуту, две... Сзади нетерпеливо позванивает следующий трамвай.

Можно бы, конечно, за такой проступок вынести водителю Нине Мурзиной порицание. Но... человеку поесть надо? А где пообедать водителю или кондуктору трамвая? Из-за недостатка разъездных путей на конечной остановке могут стоять только два-три вагона, поэтому обеденный перерыв — всего 15 минут, стоит трамвай на кольце, а поблизости ни столовой, ни буфета.

Для работников пятого маршрута обеденный перерыв вообще не предусмотрен. Пусть обходятся как знают!

А кто заботится об условиях работы водителей и кондукторов? В вагонах неплотно пригнаны окна, двери. Зимой страшный холод, сквозняки. Семь часов в такой обстановке! И за всю смену ни разу не удается выпить чашку горячего кофе или чаю.

Вот и «текут» кадры. Уходят из городского транспорта и из-за бытовых неудобств.

В трамвайно-троллейбусном управлении работают 1 700 женщин. Большинство из них — матери. А в детские учреждения устроено только 100 ребятшек. 350 стоят на очереди. Многие женщины заявления даже и не подают: знают, бесполезно. Родился ребенок — тут же увольняются.

* * *

Причин плохой работы транспорта немало. Да, конечно, одна из них — недостаток запасных частей. Получают их — вернее, должны получать — автохозяйства через «Россельхозтехнику». А городской транспорт у организаций «Сельхозтехники» — нелюбимый пасынок. Достаются ему жалкие крохи. И нам кажется, что без вмешательства Совета народного хозяйства РСФСР тут не обойтись.

Однако многое зависит и от местных организаций. Нас, например, очень удивили взаимоотношения горисполкома и облавтоуправления.

— Возить нас — возите, — говорит горисполком, — но на помощь особенно не рассчитывайте. Диспетчерским нужны телефоны? Пожалуйста, тяните сами кабель. Нужна новая диспетчерская? Ничего не выйдет: будка испортит вид улицы.

Трудно добиться постройки будки, не говоря уже об автобусной станции, где должна быть не только диспетчерская, но и комната отдыха, буфет, касса, куда кондукторы смогли бы сдавать свою выручку. Ведь сейчас после работы многим из них приходится ездить через весь город в центральную диспетчерскую, терять два — два с половиной часа. Десять таких недорогих станций, установленных на самых больших транспортных узлах, смогли бы заменить 20 существующих будок. В два раза сократилось бы число диспетчеров, а главное, стали бы нормальными условия работы для сотен людей.

В горисполкоме и Омском промышленном обкоме партии, видимо, считают городской транспорт делом второстепенным, не заслуживающим серьезного внимания и заботы. Но ведь городской транспорт — это ритм, пульс жизни большого города. И ежедневно из-за его нечеткой работы на всех предприятиях Омска отмечаются опоздания, теряются ценные минуты, часы, не говоря уже о том, что у тысяч людей портится настроение.

Рейдовая бригада: Н. Балдина, ревизор службы движения трамвайно-троллейбусного управления; М. Лопатенко, работница фабрики «Иртыш»; И. Писарев, депутат Советского райсовета; Е. Семягина, депутат Ленинского райсовета; Н. Рыбникова, контролер Горавтотреста; А. Волкова и Т. Александрова, корреспонденты журнала «Работница», и другие.

Варвара Александровна Иванова.

Елена ТАРАСОВА

ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ВСЕХ

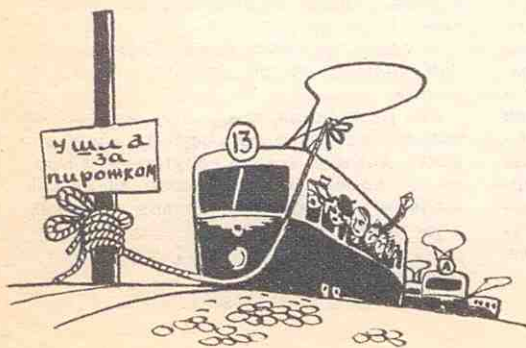
...Высоко над городом плывут оранжевые дымки азотнотукового завода. Когда склоняющееся к горизонту солнце попадает в их апельсиновой яркости струю, на какой-то миг и земля под ногами, и трава, и деревья, и лица людей вдруг становятся оранжевыми. Будто кто-то поднял до уровня солнца цветное стеклышко и заставил сквозь него взглянуть на мир.

Эти устремленные вверх густые, яркие струи были для меня в первые дни пребывания в Березниках надежным ориентиром. По ним я отовсюду безошибочно находила дорогу.

Но дорога к встрече с Варварой Александровной Ивановой оказалась длиннее, чем я предполагала.

Случилось так, что с ней удалось встретиться только на третий день моего пребывания в Березниках. Но, думаю, если бы мы и совсем не увиделись, я смогла бы написать о ней.

Конечно, я не знала бы, что у нее очень светлые, цвета бледных незабудок глаза, не знала бы, что, встречаясь

с незнакомыми людьми, она смущается, вбирает голову в плечи и заслоняется суховатыми газетными словами, что обычно говорит она мягким пермским говорком, без нажима «окая» и в какой-то удивленно-вопросительной интонации заканчивая даже вполне утвердительные фразы. Не знала бы, как она доверчиво улыбается и с какой нежностью гладит худенькой рукой страницы любимых книг, не знала бы, что она немногословна и, может быть, именно поэтому обожает словечко «коротенько».

Прежде чем войти в чистенькие, устланные клетчатными половиками комнаты новой квартиры Ивановых, я побывала в цехе азототукового завода, в котором Варвара Александровна работает с того трудного 1942 года, когда она совсем девчонкой, только окончив ремесленное, пришла на завод.

Был час обеденного перерыва, и из красного уголка доносился азартный стук костяшек домино.

— Сразу видно, что Вари нет,— сказал один из моих провожатых,— была б — каждому сунула в руки книгу или журнал.

Красный уголок — светлая квадратная комната с большим, во всю стену окном. Кроме длинного стола, за которым расположились любители домино, здесь еще три маленьких столика. На одном — подшивки газет «Правды», «Экономический», заводской многотиражки «Азотчик». На другом — книги о передовиках производства, технические журналы; на третьем — брошюры по медицинским вопросам. На стенах — диаграммы, рассказывающие о росте рационализаторских предложений в цехе, информация о новинках технической литературы.

Все здесь — начиная от стеной газеты до изрядно распухших читательских формуляров, аккуратно уложенных в длинный ящик, занимающий прочное место в цеховом книжном шкафу, — дело старательных рук Ивановой, в рабочее время машиниста-мазутчика, а в свободное — библиотекаря.

В этом году исполняется десять лет, как Ивановой впервые предложили цеховую книжную передвижку. Предложение не было случайным. Она с детства любила книги, много читала. Встретившись с новым, интересным автором, не умела радоваться этой встрече в одиночку: непременно тащила книгу на завод и просила товарищей прочитать ее, а потом затевала разговор о прочитанном. Это не был, конечно, профессиональный разбор произведения — она ведь и сама не бог весть какой знаток литературы, — просто люди честно, сообразно со своими вкусами и развитием говорили о прочитанном. В этих разговорах самым главным для Варвары Александровны было выяснить пристрастие своих читателей. Так она узнала, что слесаря Ивана Третьякова интересуют книги по истории русской живописи, а Николай Пушков самым увлекательным романам предпочитает статьи по рационализации. На первых порах читателей у Ивановой было 15—20, не больше. А теперь читает почти весь цех — около 130 человек.

— У меня никогда раньше своих книг не было, — сказала мне дежурная на подстанции Галина Бычкова, — а сейчас уже собралась целая библиотека. И так у многих в цехе. И муж мой стал

читать и дочки. Варя для них специальную литературу подбирает.

Уже давно Варвара Александровна под свою личную ответственность получила книжную передвижку из библиотеки заводского Дворца культуры. А сейчас вместе со своими цеховыми друзьями задумала создать «библиотечку доверия», чтобы каждый рабочий цеха был не только читателем, но и хозяином книг. Понадобилась книга — не ожидая библиотекаря, запиши в формуляр, а возвращая или передавая товарищу — вычерки.

Безусловное доверие друг к другу — давняя форма взаимоотношений в цехе, где работает Иванова. Кстати, она не только самодеятельный библиотекарь, но и общественный кассир. В дни выплаты зарплаты приносит в цех ведомость и деньги. Рабочие отсчитывают, сколько кому положено, расписываются в получении, а она возвращает в бухгалтерию ведомость.

Обо всем этом мне рассказали на заводе. Говорили люди охотно, припоминая различные случаи, свидетельствующие о любви Варвары Александровны к людям и книгам, о ее душевности и прямоте.

Существуют люди, с которыми мы порой встречаемся очень редко, иногда даже забываем о них, но от одного сознания, что они живут где-то рядом на одной с нами земле, становится теплее, спокойнее и легче. Именно таким человеком для окружающих всегда была Варвара Александровна Иванова. Впрочем, так официально ее здесь почти никто не называет, для всех она просто Варя, хотя ей и за тридцать. И когда, бродя по этажам нового, с не выветрившимся еще запахом масляной краски дома, в котором недавно получила Иванова двухкомнатную квартиру, я спрашивала Варвару Александровну, все недоуменно пожимали плечами. Я уже устала от поисков, как вдруг одна немолодая женщина радостно воскликнула: «Да это ж наша Варя!»

Она назвала мне номер квартиры Ивановой и, провожая до двери, рассказала такую историю.

...Как-то Варя возвращалась после смены в свою новую квартиру. Было прохладно и сумрачно. У дома, возле сброшенных навалом дров, сутилась женщина.

— Вы что это? — поинтересовалась Варя.

— Да вот неожиданно дрова привезли. Надо до ночи их в сарай занести.

— Что ж вы одна?

— Да ведь поздно. Не сыскать теперь помощников-то.

Варя, ничего не сказав женщине, ушла, а через некоторое время вышла и не вернулась в дом до тех пор, пока все дрова не были убраны.

Еще на заводе мне рассказали, как Варя, наблюдая за детьми жильцов дома № 4 по Перекопскому переулку, где она жила до недавнего времени, решила и их приохотить к чтению. Вынесла как-то во двор стопку книжек и предложила ребятам. Дети не только брали книги, но и беспрекословно выполняли поставленное Варей условие: возвращая книгу, рассказать ее содержание. Так своеобразно Варя знакомилась с современной детской литературой. Многие книги прежде чем предлагать она прочитывала сама.

А спрос все рос и рос. За детьми потянулись взрослые. И для них стала припасать книги Варя. Летом «филиал» ее передвижки располагался прямо под открытым небом, а зимой перемещался в Варину комнату. К счастью, ни ее родители, ни сестра не протестовали против обмена книг, против того, что читатели ежедневно посещают своего домашнего библиотекаря.

Когда я, исписав полблочки, уже собралась уходить, вдруг кто-то сказал:

— Если вы писать о Вале собираетесь, имейте в виду, она будет очень недовольна. Очень. Не любит, если вокруг нее шум поднимают.

Мне вспомнились эти слова, когда я, уже познакомившись с Варварой Александровной, сидела на диване в ее квартире и пыталась взять «интервью».

— Ну, проводим иногда читательские конференции, — унылым голосом говорила Варвара Александровна, — провели по «Чудотворной» Тендрякова, по «Искателям» Гранина. Но какая наша в том заслуга? Мы же проводили их под руководством библиотекарей из Дворца культуры...

Куда охотнее, чем о себе, Варвара Александровна говорит о читателях — уборщице Зине Кабановой, которая помогает ей в выдаче книг, насоснице Рае Юрченко, поначалу охотно читавшей только романы А. Дюма, а теперь в формуляре которой и М. Горький, и С. Цвейг, и К. Паустовский, и десятки других русских и иностранных авторов.

— Нет, — вдруг спохватывается Варвара Александровна, — вы, пожалуйста, не пишите о нас. Не надо. И работать мы стали хуже и в соревновании скорей всего проиграем.

Лицо у Варвары Александровны недовольное, между бровей залегла морщинка. И все-таки она показывает мне письмо текстильщика из Ферганы, которые по почину березниковцев тоже создали библиотечку-передвижку. Еще весной Иванова послала им в подарок несколько книг уральских писателей. А ферганцы в ответ прислали книги А. Каххара, Айни, Тимура Фаттаха и вдобавок вызвали азотчиков на соревнование.

Какое-то время я молча разглядываю фотографии из Вариного альбома и наткнувшись на карандашный рисунок молодого парня в солдатской ушанке.

— Брат, — говорит Варя, морщинка у бровей мгновенно исчезает, — это я еще в 1949 году рисовала.

Оказывается, Варвара Александровна еще и художница. Некоторое время ходила в изокружок при Дворце культуры. Сейчас не ходит, но рисовать продолжает. То соседей по квартире нарисует, то приглянувшийся уголок города, благо город химиков разрастается и хорошеет с каждым днем. Много в нем теперь не только зеленых скверов, но и улиц, сплошь засаженных белоствольными березами.

О своих рисунках Варя говорит охотнее, видимо, считая, что это уж не для печати.

Мы расстаемся, и я уношу с собой не только несколько ее рисунков, но и радость, которая всегда сопутствует встрече с хорошими, душевно щедрыми людьми, думающими сначала о других, а уж потом о себе.

г. Березники,
Пермской области.

* КНИГОВОША. Фотограф И. Сашин.

М. НЕСТЕРОВ. ПОРТРЕТ В. И. МУХИНОЙ.
(1940.)

ДВА ТАЛАНТА

Мария ГЕНИНА

Кто не знает великолепной скульптуры, установленной перед входом на Выставку достижений народного хозяйства? Она появляется и на экранах кинотеатров перед началом любого фильма студии «Мосфильм» — юноша и девушка, неудержимо стремящиеся вперед.

Это «Рабочий и колхозница» — скульптурная группа, вошедшая в сокровищницу русского искусства и принесшая автору — Вере Игнатьевне Мухиной — мировую славу.

Уже в первые годы Советской власти Вера Мухина — в числе тех мастеров искусства, которые посвящают свое творчество новым, рожденным революцией темам. Ее проекты памятников «Революции», «Освобожденному труду», Я. М. Свердлову отличались оригинальностью мысли, были, безусловно, талантливы, хотя схематизм формы, модная в то время кубистская стилизация значительно снижали их достоинство.

Даже отмеченная первой премией на выставке «X лет Октября» в 1927 году скульптура «Крестьянка» не принесла Мухиной настоящей радости. Это была внушительная фигура русской женщины, суровой, сильной, неутомимой в работе. Но статичность и некоторая утяжеленность как бы приземляли женщину. Естественно, что и эта скульптура не удовлетворила ваятельницу, которая была твердо убеждена, что советское искусство «должно быть прекрасным, развивающим вкус масс, а никак не упрощенческим в формах и образах, ибо мудрость и понимание народное гораздо богаче и тоньше, чем мы иногда воображаем».

И Мухина не оставляет мысли создать новую скульптуру советской крестьянки.

...В 1937 году в Париже открылась всемирная выставка «Искусство, техника и современная жизнь». Советский павильон должна была венчать скульптура-символ. Мухина вышла победительницей конкурса на лучший проект, в

котором участвовали крупнейшие скульпторы страны. Так родился этот удивительный 24-метровый монумент, о котором Ромен Роллан писал: «Два молодых гиганта в неукротимом порыве возносят серп и молот, и мы слышим, как из груди льется героический гимн, который зовет народы к свободе и единству и приведет их к победе».

Красота, сила, оптимизм строителей коммунизма воплощены в образах юноши и девушки. Согласно замыслу автора, фигуры выражали динамику нашей эпохи, «Марш энтузиастов». Необычный материал скульптуры — нержавеющей стали — еще больше подчеркивал ее выразительность.

В 1939 году «Рабочий и колхозница» вернулись на родину и были установлены в Москве, перед входом на ВДНХ.

К этому времени и относится знакомство Мухиной с выдающимся русским художником М. В. Нестеровым, знакомство, подарившее миру еще один шедевр — портрет скульптора Мухиной кисти художника Михаила Васильевича Нестерова.

Нестеров очень настроженно относился к художникам, которые брались отразить в живописи, скульптуре темы общественного звучания, считал, что лишь немногим они по плечу. Тем сильнее было его восхищение «Рабочим и колхозницей».

Личное знакомство с Мухиной не обмануло ожидания знаменитого художника. «Она интересна, умна, — пишет он другу. — Внешне имеет «свое лицо», совершенно законченное, русское... Руки чешутся написать ее, она согласна».

Творческий порыв был так силен, что Нестеров забыл о своем недомогании, о том, что врачи запретили ему работать более часа в день, забыл о том, что ему 77 лет. Художник мечтал создать не просто портрет Мухиной, а образ ваятельницы. По свидетельствам друзей, это было характерно для Нестерова, который в последний период творчества не хотел писать лю-

дей в отрыве от их дела. Мухиной было понятно это желание, она согласилась, несмотря на то, что терпеть не могла, когда кто-либо смотрел, как она работает.

Это были необычные сеансы. Художник сам выбрал позу для Мухиной и фигуру, которую она лепила, — бога ветра Борей. Мухина в то время работала над проектом памятника челюскинцам, в скульптурную композицию которого входил и Борея. Правда, фигура злого северного божества была уже почти готова, и Мухина, по выражению Нестерова, лишь «штопала», отделявала ее. Но «как принялась она глиной орудовать — держись только! Там ударит, здесь ущипнет, там поколотит — лицо горит. Не попадайся под руку — зашибет! Такая-то ты мне и нужна», — писал художник.

А Мухина в то же время рассказывала друзьям: «Он работал со страстным увлечением, с полным напряжением сил, до полного изнеможения. Во время сеансов велась оживленная беседа об искусстве. Но когда он входил в азарт, все умолкало, он самозабвенно отдавался работе».

Этот великий «накал» совместного творчества подарил прекрасные произведения. Фигура ваятельницы спокойна, уверена, умные руки, кажется, одним только властным прикосновением удерживают злое и коварное божество.

Портрет ваятельницы — портрет-образ, равный по силе воздействия на зрителя творениям, созданным самой Мухиной.

Вспомним ее скульптурные портреты военных лет. Полковник И. Л. Хижняк, в простом огулбевшем лице которого скульптор сумела подметить скрытый героизм. А какая негибкая воля, какое благородство в израненном, пересеченном глазной повязкой лице полковника В. А. Юсупова!

«Волна небывалой войны выплеснула из недр народа таких героев, изобразить которых художник может считать честью для себя», — писала впоследствии Мухина.

И в дни войны и в дни мира Вера Игнатьевна всегда умела найти своего героя, родственного ей по духу, по страстной вере в светлое будущее, по умению приблизить это будущее своим трудом.

Неизгладимое впечатление оставляет памятник великому Горькому, установленный на родине писателя. Вольный ветер овеивает гордую, стройную фигуру, откидывает назад волосы, и весь он — так и мечтала художница — «как натянутая струна», как провозвестник «назревающей бури».

А своеобразный памятник Чайковскому, установленный перед Московской консерваторией? Сидящий в кресле композитор как бы прислушивается к обступившим его звукам. Левая рука словно отсчитывает такты...

Диапазон творчества Мухиной необъятен. От изящных ваз и хрупких фарфоровых статуэток (изумительным образом которых служит грациозный и точный портрет солиста балета С. Г. Корня в роли Меркуцио из «Ромео и Джульетты») до скульптурных портретов в мраморе и бронзе и, наконец, монументов.

К последним работам Мухиной относится статуя «Мир», венчающая планетарий в Волгограде, и страстная, гневная скульптурная композиция «Требуем мира!», выполненная в содружестве с группой молодых скульпторов.

Всю свою жизнь созидателя и творца, весь свой темперамент и вдохновение народный художник СССР Вера Игнатьевна Мухина отдала своему народу.

Она была тем истинным художником, который, по словам Горького, «чувствил лице своей страны, своего класса, уха, око и сердце его».

М

исс Трим водила старенький «форд», подаренный ей братом, а он к этому времени купил себе автомобиль новейшей марки. «Форд» был в хорошем состоянии за исключением дверцы, заклиннивавшейся время от времени, да разбитого заднего стекла. Мисс Трим так и не собралась его сменить. Двигатель работал хорошо, и каждый день она не без удовольствия садилась за руль, чтобы направиться из Арлингтона в Вестфилдский лицей, находившийся в семнадцати километрах от ее дома. Уже более пятнадцати лет она ездила по этому пути и, конечно, знала дорогу, как свои пять пальцев.

В Вестфилдском лицее мисс Трим преподавала историю и читала лекции по актуальным вопросам современности. У нее была репутация спокойного и доброго человека. Впрочем, когда она чувствовала, что кто-либо из студентов начинал злоупотреблять этими ее качествами, она умела быть строгой.

Свой досуг она проводила весьма скромно. Очень любила свою маленькую квартирку на одной из самых тихих улиц. Иногда встречалась с несколькими близкими друзьями, такими же одинокими, как она сама, и время от времени навещала брата, жившего в 150 километрах от города.

Среда была последним рабочим днем перед пасхальными каникулами, и мисс Трим только и думала о своем брате и племянниках, радуясь возможности провести недельку в их загородном доме.

...Когда уже после пяти часов она наконец покинула лицей, небо было уныло серым, явно предвещавшим дождь. Она на-

Машины снова тронулись. Ей удалось продвинуться еще на полсотни метров. Концерт по радио окончился, за ним следовала передача рекламы.

Все против нее! Мисс Трим, глубоко вздохнув, откинулась на спинку сиденья. Бесплезно портить себе нервы.

Ее внимание привлекло движение, начавшееся в следующем за ней лимузине. Она увидела, что двое сидевших впереди мужчин дрались. Против желания мисс Трим оказалась свидетельницей драки, подобной которой она никогда в жизни не видела. Мужчина, сидевший с водителем, брал верх. Он был моложе, изворотливее, и его удары все время оказывались более меткими. И тут она заметила, как какой-то металлический предмет опустился на голову человека, сидевшего рядом с водителем. Удары продолжали сыпаться до тех пор, пока окровавленная голова несчастного не свернулась куда-то набок. Мисс Трим хотелось крикнуть, но она безмолвно сидела, не в состоянии оторваться от происходившей на ее глазах кровавой драмы. Вдруг потное, свирепое лицо водителя повернулось к ней, и он указал на нее компаньону.

Мисс Трим полностью отдавала себе отчет, что обязана немедленно рассказать о случившемся. Но кому? Как это сделать? Если она откроет дверцу, те двое, конечно, тотчас схватят ее или задавят своим лимузином. Нет, оставаться в автомобиле безопаснее. Она наклонилась и привычным движением заперла дверцу. Где-то недалеко отсюда должен был находиться полицейский пост.

Между тем скопление машин не уменьшалось. Мысли, од-

шла свою машину на обычном месте и быстро вывела ее на дорогу, ведущую к шоссе на Арлингтон. Дождь почти тотчас застучал по ветровому стеклу, пришлось включить «дворник». А через минуту начался настоящий ливень.

Мисс Трим рассчитывала добраться домой до часа «пик», но, подъехав к шоссе, очутилась перед нескончаемой вереницей машин, двигавшихся на Арлингтон. Видимо, виной всему был дождь, поздний час и шоссе, которое ремонтировалось, отчего движение шло по узким колеям справа и слева.

Машины то медленно продвигались вперед на несколько метров, то неожиданно останавливались. Мисс Трим включила радио. Мягкие звуки классической музыки скрашивали однообразие езды. Впереди двигался автомобиль, единственным пассажиром которого был пожилой мужчина с поникшими плечами.

Глаза мисс Трим остановились на двигавшейся за ней машине. Это был большой черный лимузин несерийного производства.

Мисс Трим прекрасно видела сидевших в нем людей. Двое впереди — двое одинаково одетых мужчин, углубленных в какой-то серьезный разговор. Тот, что сидел за рулем, здоровый, краснощекий человек, казался очень рассерженным. Вскоре она разглядела и третьего, поместившегося сзади.

Видно было, что и он участвует в общем споре.

Скрип тормозных колодок заставил мисс Трим взглянуть на шоссе. Цепь машин снова тронулась. Пять, десять, тридцать метров — и снова остановка. Она зевнула. Ей вдруг очень захотелось принять горячую ванну и затем съесть вкусный обед. Глаза невольно снова обратились к лимузину. Мужчины продолжали свой оживленный спор. На этот раз она более подробно рассмотрела человека, сидевшего рядом с водителем. Его мужественное лицо ей чем-то очень понравилось. Он улыбался, и мисс Трим, всегда отличавшаяся умением судить о человеке по выражению лица, чувствовала, что в этом споре карты были в его руках.

на другой невероятнее, возникали в мозгу бедной мисс Трим. Может, люди, сидящие в лимузине, и не подозревают, что она была свидетельницей убийства? Ее глаза снова обратились к лимузину. Нет, сомнений быть не могло: водитель, видно, только и ждал, чтобы она еще раз взглянула в его сторону, так как сразу угрожающе поднял указательный палец.

Мисс Трим знала, что полиция и местные власти вот уже несколько дней преследуют банду гангстеров и контрабандистов, орудовавших в районе Вестфилд. Каждую неделю страницы газет пестрели сообщениями об этом... По слухам, банда была предана одним из участников и главарь ее, Тони Карго, известный под кличкой «Каид», якобы арестован. Во всяком случае, мэр города выдал ордер на этот арест, и благодаря содействию местных властей и населения поимка бандитов была, как писали газеты, делом почти решенным.

Несомненно, что только что совершенное убийство, невольным свидетелем которого являлась мисс Трим, тоже связано с этой историей. Скорей всего убийцей и был Каид, то есть сам Карго, который с помощью своего подручного свел счеты со своим нестойким сообщником.

Вереница машин снова тронулась, на этот раз довольно решительно. Мисс Трим вытерла вспотевшее лицо, крепко сжала руль, чтобы унять дрожь, нажала на стартер. Лимузин все время оставался позади. Его фары, казалось, прощупывали ее, пронизывая темноту и дождь.

Когда же кончится этот кошмар? А если эти два человека начнут гнаться за ней или увлекут ее в какое-нибудь темное место? Нет! Нет! Если она сейчас же не отгонит прочь эти страшные мысли, она сойдет с ума! Надо любой ценой сообщить полиции о случившемся. Но как добраться до нее? Ее внимание вдруг привлек дорожный знак, указывавший, что в четырехстах метрах перекресток. Она тут же вспомнила, что это был кратчайший путь к центру Вестфилда, и даже

видела эту желанную дорогу в ста пятидесяти метрах от себя. Но теснота на шоссе не кончалась, и машины по-прежнему двигались рывками. Глаза ее были прикованы к пересекающей шоссе дороге. Вот одна машина свернула на нее и, набрав скорость, быстро скрылась за поворотом. Как это, оказывается, просто! Еще шестьдесят метров, и она тоже свернет на эту дорогу. Она ощущала на себе взгляды сидящих сзади людей, и эти взгляды жгли ее. Но она уже видела приближающееся освобождение. Еще пятнадцать метров, десять, не больше чем пять. Наконец-то! Не сбавляя скорости, она яростно повернула руль. «Форд», почуяв наконец свободу, помчался по свободной дороге. Сейчас решающим для нее была скорость, бегство, исчезновение...

Но, к величайшему ужасу, мисс Трим заметила, что и лимузин свернул на эту же дорогу. Она прибавила скорость. Сквозь слезы, внезапно набежавшие на глаза, она смотрела на настигающий ее лимузин. О, если б встретить честных людей, например, мэра или полицейского комиссара, да любого, который испытывает такое же отвращение к преступникам, как она! Нет, во что бы то ни стало она должна сообщить о преступлении! Это ее моральный и гражданский долг! А мисс Трим, преподаватель Вестфилдского лицея, общественный долг ставила превыше всего.

Она нажала на акселератор — 80, 90, 100 километров в час. Никогда в жизни она, осторожная автомобилистка, еще не мчалась на такой скорости. «Форд» дрожал, разрезая светом фар темноту, а лимузин неотступно следовал за ним.

Инспектор повернулся и осторожно направился к лимузину, не отнимая руки от кобуры пистолета.

Дождь прекратился. Ночь была тихая. Но тишина эта казалась мисс Трим слишком напряженной. Она видела приближающегося к лимузину полицейского и слышала скрип опустившегося стекла. Полицейский стал мирно разговаривать с человеком, сидевшим за рулем. Непонятно. Никакой борьбы. Неужели бандиты сдались без сопротивления?!

Полицейский вытащил карманный фонарь и направил его на водителя, а затем на человека, сидевшего сзади. Сейчас он извлечет револьвер из кобуры! Нет. Он этого не сделал. Мирная беседа возобновилась. Где же наручники? Почему полицейский не арестовывает бандитов? Разговор продолжался еще какое-то время, показавшееся ей вечностью, потом инспектор, так и не вынув револьвера, отошел от лимузина, погасил фонарь и положил его в карман. Мисс Трим напрягала слух, чтобы расслышать слова команды «руки вверх», но вместо этого услышала шум заведенного мотора. Лимузин медленно тронулся. Полицейский стоял неподвижно, наблюдая, как машина вырывается на центральную часть шоссе и стала набирать скорость.

— Арестуйте же их! — закричала мисс Трим. — Это убийцы! Я могу это доказать! Арестуйте их!

Лимузин быстро набрал скорость. Еще минута — и он с глухим ревом промчался мимо нее и скрылся в ночи.

Снова наступила тишина. Мисс Трим сидела ошеломленная. Полицейский инспектор не спеша подошел к ней.

Мисс Трим вдруг вспомнила о сигнале. Изнемогая от неравного напряжения, она изо всех сил нажала кнопку сигнала. Пронзительный звук разнесся по окрестным полям. Вокруг ничего не было видно: ни домов, ни людей. Она вдруг завокнулась: не ошиблась ли, свернув на эту дорогу? Лимузин уже находился от нее не более чем в двадцати пяти метрах. Она продолжала сигналить. Почему никто не отвечает на эти сигналы? Ее снова охватило отчаяние. И вдруг она услышала далекий, но достаточно резкий и хорошо знакомый звук сирены полицейской машины. Ее наконец услышали! Полицейская машина поравнялась с лимузином и дала знак остановиться. Мисс Трим была уверена, что те двое в лимузине вооружены, и ей необходимо предупредить об этом инспектора. Полицейская машина подкатила прямо к ней. Обессиленная, она поставила свой «форд» на обочину дороги. Лимузин остановился в десяти метрах в десяти позади, а полицейская машина — немного впереди.

Мисс Трим опустила стекло и позвала:

— Господин инспектор! Господин полицейский инспектор! Сюда, прошу вас!

Полицейский, высокий, здоровый детина, подошел к ней уверенной походкой.

— Что случилось, мадам? — спросил он.

— Эта машина, следующая за мной, — прошептала она с тревогой, — вернее, люди, сидящие в ней, — бандиты. Возьмите, пожалуйста, револьвер. Я видела, как они убили человека...

— Вы уверены в этом, мадам? Довольно-таки нелепая история.

— Я видела собственными глазами! Это, конечно, Каид. Тони Карго и один из его сообщников. Умоляю вас, возьмите револьвер!

— Оставайтесь здесь. Я сам посмотрю, что произошло.

— Вы дали им удар? Вся полиция страны гонится по их следам, а вы дали им уйти! Я заявлю о вас...

— Хорошо, мадам, успокойтесь... Кстати, вы случайно не выпили?

Инспектор стоял перед ней, разглядывая ее с любопытством.

— Как вы смеете! Я никогда не пью! Я преподаватель лицея! Я видела, как в той машине убили человека, и я уверена: убийца — Тони Карго. Вы что, газет не читаете?! Нужно сейчас же начать погоню за ними!

— Не говорите мне о Тони Карго, — сказал полицейский инспектор с отвращением. — Целую неделю я только и занимаюсь тем, что гоняюсь за машинами.

— Так почему же вы их не арестовали? — спросила мисс Трим, вдруг почувствовав какой-то смутный страх.

— Потому, что это был не он.

— А кто же? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Я же вам сказал, что все занимается поисками Тони Карго. Но тот, кто ехал за вами, был сам мэр, он тоже целый день гонялся за Карго.

— О, нет! — простонала мисс Трим.

— После полудня ему сообщили по телефону, что найдены следы Карго, и он немедленно начал преследование. Но все оказалось ложной тревогой.

— Но это невозможно! Я сама видела, как эти люди убили человека...

— Вы что-то сказали, мадам?

— Нет, нет, ничего, — тихо произнесла мисс Трим.

— Итак, самое лучшее, что вы можете сделать, — это спокойно следовать за вами? Куда?

— Следовать за вами? Куда?

— Не притворяйтесь невинной овечкой! Два человека вас

О погремушках, зайках и матрешках

Молодой отец пришел в магазин купить первую игрушку для своего малыша. Игрушек много, все они яркие, привлекательные: тут и куклы и лошадки, погремушки и лото, книжки и тележки, железная дорога... Что купить? Может быть, ярко-желтого плюшевого медвежонка? Или вон ту большую заводную машину? Молодой отец явно растерян.

Вот таким неопытным родителям мы и хотим помочь советом.

Значительная часть времени ребенка заполнена игрой. Играя, он много двигается, звонко смеется. Все это способствует лучшей жизнедеятельности детского организма: кровообращению, дыханию, пищеварению. Игра развивает у ребенка зрение, слух, он учится управлять своими движениями, знакомится с окружающими предметами. В игре развивается понимание речи окружающих, самостоятельная речь, мышление. Игрушка в жизни ребенка имеет не меньшее значение, чем книга в жизни взрослого человека.

Уже в полугодовалом возрасте ребенок может подолгу разглядывать игрушку или какой-нибудь другой предмет. Вот и нужно подвешивать над кроваткой ярких попугаев, кольца, погремушки, шарики.

С 3 месяцев ребенок начинает тянуться к игрушке, стремится захватить ее. Вначале малыш плохо координирует свои движения, он может лишь случайно натолкнуться на игрушку, схватить ее и начать размахивать. Постепенно же движения рук становятся более устремленными, он уже точно направляет руку к игрушке, ощупывает ее, ловит, тянет в рот.

Трех-четырехмесячный малыш может долго заниматься игрушками, висающими у него в кроватке. В течение дня родителям надо найти время для игры с малышом: показывая игрушки, заставляя его двигаться, разговаривая с ним, вызывая радостное настроение. Лучше всего играть с ребенком, когда он поел и отдохнул после еды. Тогда игра будет способствовать хорошему, бодрому настроению.

С шести месяцев ребенок делает попытки передвигаться самостоятельно — ползает. Если положить перед ним яркую игрушку, он попытается дотянуться до нее. В этом возрасте лучше всего давать резиновых надувных зверей, рыб, пластмассовые шарики, погремушки.

Для того, чтобы малышу было удобно играть, желательно на это время освободить детскую кроватку от всех постельных принадлежностей. Можно покрыть кровать толстой фанерой, поверх которой положить мягкую подстилку или одеяло, оббитое клеенкой. В таком импровизированном манеже ребенку удобнее двигаться.

С 6—7 месяцев малыш уже проявляет большую настойчивость, чтобы достать или отыскать игрушки, которые ему понравились, рассматривает их, постукивает ими друг о друга. Давая ребенку новую игрушку, надо показать ему, как с ней обращаться, как бросить мячик, как открыть и закрыть коробочку, как снять колесико с пирамидки. Если накапливается много игрушек, то давать их нужно не все сразу, а по две-три, заменяя их другими, когда они перестанут интересовать ребенка.

К 9—10 месяцам дети пытаются стоять без всякой опоры, переступают вдоль стенки кроватки, манежа, пробуют ходить за каталкой или стулом, произносят первые простые слова, называют предметы однослоговым обозначением.

Меняется и характер их игры. Ребенок уже пытается самостоятельно вынуть, вложить, открыть, закрыть, снять, надеть. По просьбе взрослых он может найти и дать названную игрушку. Матрешки, зайки, мишки, бочонки, пирамидки в это время — их любимые игрушки.

Кроме купленных игрушек, рекомендуем для игры домашние вещи: маленькую кастрюльку, крышку, бидончик. В возрасте около года ребенок любит стучать погремушкой или ложкой по тазу, бидону или просто по одеялу. Этим он приучается различать звуки.

Для детей первого года жизни следует покупать игрушки из дерева, резины, пластмассы, так как они легко моются и дезинфицируются.

Все, что попадает малышу в руки, он тянет в рот. Поэтому все игрушки необходимо мыть горячей водой с мылом. Если ребенок уронил игрушку на пол, она должна быть возвращена ему только после того, как будет вымыта. Вот почему не рекомендуется давать матерчатые, плюшевые игрушки.

Ну, а что делать с игрушками, которые дарят родственники, выбирая их по собственному вкусу? Если она куплена без учета возраста вашего малыша, то ее лучше всего на время убрать.

Р. ЯКУВОВИЧ

Со стр. 27.

видели. А наш мэр ненавидит Тони Карго и не менее людей, нарушающих правила уличного движения!

— Но... — пробормотала мисс Трим, — я же не нарушила никаких правил. Я только пыталась...

— Давайте без басен. Когда нарушают закон, несут ответственность! — Он самодовольно ухмыльнулся, поправил складку на мундире и продолжал: — Видите ли, мадам, я только выполняю приказание. — Он повернулся, чтобы повнимательнее оглядеть ее. — Я только что видел господина мэра, занимающегося преследованием лиц, не соблюдающих установленных правил движения, но, откровенно говоря, вы являетесь первым нарушителем, которого он приказал доставить в свою частную приемную, притом немедленно.

Мисс Трим не могла произнести ни слова. Борьба для нее была кончена.

Полицейский инспектор вернулся к своей машине. Лицо его было спокойно и ничего не выражало.

— Итак, лучше всего для вас следовать за мной.

Мисс Трим кивнула в знак согласия и, глубоко вздохнув, в последний раз посмотрела на него.

...Труп мисс Трим был найден через 15 дней на обочине только что построенной мэром дороги. Его спрятали под дорожный стэнд, на котором большими, яркими буквами было написано:

«Не забудьте занести свое имя в списки избирателей».

Мисс Трим уже позаботилась об этом, ибо она принадлежала к категории людей, никогда не уклоняющихся от выполнения своего гражданского долга.

Перевел с английского Е. ГИЛЬДИН.

Слова иностранные, нужные и ненужные

В русском языке, как в любом другом, великое множество слов иностранного происхождения. Это вполне естественно и закономерно. Развиваясь в течение многих столетий в экономическом и культурном общении русского народа с другими народами, наш язык впитал в себя огромное количество слов нерусского происхождения; слов, понятных всем, общепотребительных и прочно вошедших в речь нашего народа.

Очень многие такие слова давно стали международными, например: революция, коммунизм, социализм, демократия, капитализм, империализм, космос, коллектив, библиотека, профессор, доктрина, лекция, аудитория, трасса и многие другие.

К этой же группе относятся многочисленные научно-технические термины: атом, электричество, радио и т. д. Эти слова звучат одинаково или почти одинаково на всех языках мира, и посягать на них, конечно, бессмысленно и невозможно.

Правильно говорит Корней Чуковский, что не тот язык по-настоящему силен, самобытен и богат, который боязливо шарается от каждого чужеродного слова, а тот, который, взяв это чужое слово, творчески преобразует его, превращая в свое собственное.

Однако иногда мы употребляем иностранные слова без всякой надобности. Об этом говорил В. И. Ленин. Как пример такого ненужного иностранного слова он привел слово **дефекты**, которое легко можно заменить словами **недочеты, недостатки, пробелы**.

Есть и другие такие ненужные иностранные слова. Ну для чего, например, за последние 20—30 лет мы все чаще и чаще говорим **продолговать**, когда есть русское точное, и ясное, и короткое слово **продлить**? Может быть, в длинном и труднопроизносимом слове **продолговать** есть какой-то особый смысловой оттенок, отличающий его от слова **продлить**? Отнюдь нет! Ведь обходились же мы без этого надуманного слова сотни лет...

Или, скажем, слово **мизерный**: разве нельзя его заменить словами **ничтожный, незначительный, жалкий, нищенский, неважный, малоценный**?

Так ли уж обязательно нам говорить **репродуцировать**, когда есть русское

слово **воспроизводить**? Неужели в слове **превалировать** есть что-то такое, чего нет в слове **преобладать**?

...Недавно я прочитал в газете объявление: «Покупайте в павильонах и ларях, на рынках и в специальных магазинах райпищеторгов питательные и дешевые субпродукты!»

Что за наваждение! Впервые я встретился со словом **субпродукты**! Что же это за новинка? Какие такие «подпродукты» предлагаются моему вниманию? Может быть, что-нибудь заморское и редкое?

Из дальнейшего текста объявления узнаю, что субпродуктами называются говяжьи рубцы, свиные головы и свиные ножки.

Ба! Да ничего нового в этом нет! Однако задаю себе вопрос: как же на Руси назывались все эти субпродукты раньше? Справляюсь у Даля и узнаю: **сбой** (голова и ноги убитой скотины) и **требуха** (рубец, брюховина, сычуг, кутьрь, ветрюх). Для чего же вводить слово «субпродукты»? (Конечно, «требуха» не очень красивое слово, но Даль упоминает даже «требушников», то есть любителей требухи...) И если такому сложнейшему изобретению, как полупроводники, мы нашли русское название, так неужели свиную и говяжью требуху надо обязательно называть по-латыни?

Такие ненужные, излишние иностранные слова портят и засоряют наш прекрасный и богатый русский язык...

Борис ТИМОФЕЕВ

Маленькая частица

Есть такая маленькая частица **-ся**, и стоит она в самом конце слова, но от нее зависит значение слова, и ее нельзя употреблять, как вздумается. Слова **раздавать** и **раздаваться** имеют разное значение: «Детям раздавали подарки», «В саду раздавались детские голоса». Сравните также слова **плакать** и **плакаться**. Можно плакать и не плакаться, а можно плакаться и при этом не плакать.

Обычно, не задумываясь, вполне правильно употребляют слова с **-ся** и без **-ся**. Однако в некоторых случаях встречаются ошибки. Так, можно услышать: «Сел на первый **попавший** трамвай», — тогда как надо «на первый **попавшийся** трамвай». Особенно досадно, когда подобные погрешности встречаются в словах самого широкого употребления, как, например, в слове **трудящиеся**, где часто теряют такую важную частицу **-ся** и говорят: **трудящие**.

А бывает и наоборот: прибавляют частицу **-ся** там, где ее нет и быть не должно. Возьмем слово **играть**. «Дети в саду, во дворе **играют**». Никакого **-ся** в этом глаголе нет. Глагол с **-ся** имеет совсем другое значение: «Эта

Язык мой — друг мой

музыкальная пьеса **играется** в быстром темпе», то есть ее играют в быстром темпе.

При употреблении слова **играть** встречается еще и другая ошибка. Иногда говорят: «Девочка играет с **куклой**, мальчик играет с **машиной**». Это неправильно. Играть можно с кем-нибудь: играть с подружкой, с детьми, но нельзя играть с чем-нибудь. Лучше сказать: «Ребенок играет мячом, машиной, лошадкой». Можно еще играть **во что-нибудь**: играть в куклы, в домино, в шашки.

Нередко слышишь: «Я **убиралась, стиралась**». Лучше и правильнее сказать: «Я убирала квартиру, комнату, я занималась уборкой, я стирала».

Иногда прибавляют лишнюю частицу **-ся** и к другим словам, например, говорят: «Я **прибавился** в весе» — вместо того, чтобы сказать: «Я **прибавил** в весе»; «Чего она **бушует-ся?**» — вместо: «Чего она **бушует?**»

Дружба предлогов

Не только люди или животные, но даже некоторые предлоги избирают себе постоянного друга. Такая дружба связывает попарно предлоги **на — с (со)**, **в — из**, **за — из-за**, **под — из-под**. Если книга лежит **на** столе, то взять ее можно только **со** стола, но никак не **из-под** стола, или **из** стола, или **из-за** стола. А если котенок сидит **под** кроватью, то извлечь его можно только **из-под** кровати, но не **с** кровати или **из** кровати. Одни только фокусники могут, положив предмет **под** шкатулку, вынуть его **из** шкатулки.

Если **на** Украине, то **с** Украины.

Если **на** Кавказе, то **с** Кавказа.

Если **в** Киеве, то **из** Киева.

Если **в** Крыму, то **из** Крыма.

Встречаются, однако, попытки нарушить такое содружество. Вместо **из** иной раз можно услышать **с (со)**. Некоторые говорят: «Пришел **со** школы, **с** института», а надо: «**Из** школы, **из** института» (ведь был **в** школе, **в** институте). «Приехал **с** Воронежа», вместо **из** Воронежа (но ведь был **в** Воронеже).

Кто запомнит эти пары: **на — с**, **в — из**, — тот никогда не ошибется. Не разлучайте дружеские пары!

Отдел ведет доктор филологических наук
Н. А. Янко-Триницкая

Суда могло бы и не быть

Началось все хорошо. Вера и Валентин полюбили друг друга. Решили пожениться. И Валентин, как в песне поется, «увел девчонку от крыльца родного...» Увел по-хорошему: невесту представил родителям, зарегистрировал брак.

Приняли Веру приветливо. Отец Валентина, Степан Сергеевич Волков, глава семьи, подал заявление о том, чтобы невестку прописали в квартире. Молодым отвели место в доме. Жители они и радовались.

Вот только свекровь, Матрена Андреевна, иной раз нос поглядывала на скромное приданое невестки. Но Вера не придавала этому значения. Иногда просто отшучивалась:

— Руки у нас молодые, крепкие. За свою жизнь столько добра наживем, что люди завидовать станут.

Потом появился первенец, Андрюшка. Поставили ему кроватку, зарегистрировали в загсе, записали в домовую книгу. Все было хорошо, да беспокойным жильцом оказался новый член семьи: то пролил есть, то требовал пеленку сменить, а то и просто горланить принимался. Словом, не пожелал считаться пока с окружающими.

И эта «несговорчивость» внесла такую сумятицу, что вот уже в течение целого года судьи и прокуроры не могут внести ясность: имеет ли право Андрюшка жить под родительским кровом или надлежит его выставить за дверь вместе с кроваткой?

Сначала на младенца ополчился дядя Витя (брат Валентина). Заплачет племянник, он скандал поднимает. Пыталась Вера урезонить Виктора — не помогало. Просила свекровь заступиться. Матрена Андреевна только отмахивалась:

— На готовенькое сюда пришла, вот и терпи!

И Вера терпела. Терпела до тех пор, пока Виктор не стал выгонять ее вместе с ребенком.

Тогда Вера впервые решила напомнить о своих правах:

— Я здесь прописана, и сын тоже. После этого всполошилась свекровь и сразу к юристу. И юрист подсказал:

в инструкции НКХХ и НКЮ РСФСР есть пункт о том, что если один из пользователей жилищной площади не согласен на прописку нового лица, он может обратиться в суд. А в заявлении Волковых о прописке Веры не было подписи Виктора. В это время он находился в психиатрической лечебнице, и за него расписался Валентин. Зацепка была найдена. Виктор подал заявление в народный суд Первомайского района Москвы о выселении Веры с ребенком. Так в октябре прошлого года родилось судебное дело. Истцом по делу стал Виктор Волков, ответчицей — Вера.

Но за что же она должна отвечать? Ведь заявление о прописке она не подписывала. Все делалось по добром согласию семьи Волковых.

И Виктор, вернувшись из больницы, против Веры слова не говорил, пона не родился ребенок. Больше того: он сам ездил за Вериними вещами, помогал ей разместиться в квартире. Ребенок, выселения которого добивался разгневанный дядюшка, родился в квартире Волковых и вписан в общую домовую книгу тоже с согласия всех родственников. Казалось бы, все ясно, и о выселении Веры с ребенком не может быть и речи.

Однако народ суд решил иначе: ссылаясь на ту же инструкцию, он постановил выселить Веру Волкову из 66-й квартиры дома № 52 по Пятой Парковой улице без предоставления ей другой жилой площади.

Пошла молодая мать искать свое право в городском суде. Нет, не чувствовала она за собой никакой вины. Нельзя же винить ее в том, что вышла она замуж за любимого человека, что родила от него сына. Но без спроса вошла она и в дом Волковых, а с их доброго согласия.

Да, Виктор не подписывал просьбы о ее прописке, но ведь суду известно, что он психически больной. Суд оставил без внимания и письмо свекра Веры — Степана Сергеевича Волкова, в котором он писал: «Прошу отменить решение народного суда, чтобы сохранить семью сына».

Решение народного суда было оставлено в силе.

Тогда-то Вера и пришла в редакцию. Слушая ее рассказ, не верилось, что в среде советских людей могут быть такие жестокие, бессердечные люди, как Волковы. Удивлял формальный подход к разбору дела в суде.

Как и следовало ожидать, прокурор города Москвы тов. Мальнов опротестовал решение народного суда.

Однако заместитель председателя президиума Мосгорсуда тов. Карташова отклонила протест прокурора.

Узнав о решении президиума городского суда, Волковы решили немедленно же выселить невестку. Но выгонять ее из дома прямо на улицу не решились, побоялись людского суда.

Придумали ход похитрей: нашли какой-то чуть-чуть утепленный сарай и предложили Вере с Валентином переехать туда. За время судебной тяжбы свекровь постаралась поссорить Валентина с Верой. Он легко поддавался на уговоры матери, перевез жену в сарай, а сам вернулся домой.

Но, видно, не жилось ему дома, вскоре он уехал из Москвы в длительную командировку. А Вера с малышом осталась в сарае.

Хорошие люди не оставили женщину в беде. В особенно холодные дни жильцы из соседнего дома звали Веру и Андрюшку к себе на ночлег. Юрист 20-й детской поликлиники Фаина Хаит, узнав о судьбе Веры, помогла ей устроить Андрюшку в детские ясли № 158. Заведующая яслями Лидия Алексеева приняла малыша, хотя новые ясли еще не были открыты и все воспитательницы и няни занимались хозяйственными делами.

А как же судебные дела, чем они закончились?

Несмотря на протест заместителя генерального прокурора тов. Жогина и отмену решения народного суда Верховным судом РСФСР, в Первомайском нарсуде дело тянется до сих пор.

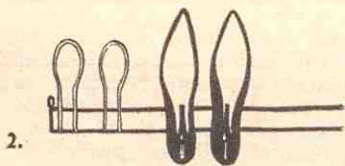
Сколько же еще будет продолжаться эта история? Конец должен быть! Конец бездушию, формализму, судебной волоките. И чем быстрее, тем лучше.

А. СТОЯКИНА.

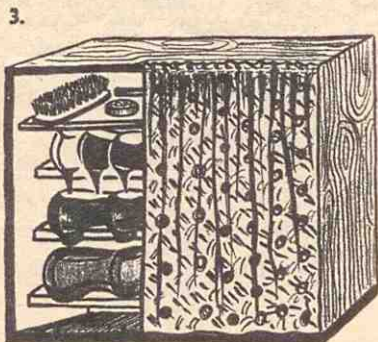
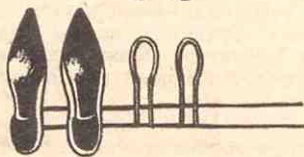
Полезные советы

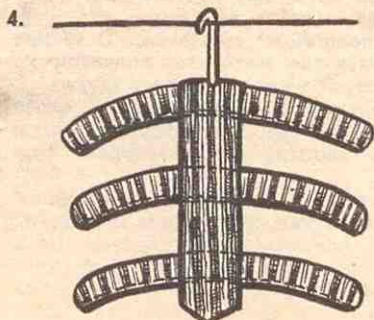
1.

2.

3.

4.

ПРАКТИЧНО

И УДОБНО

Когда в доме наводят порядок, обычно трудно бывает найти место для многих мелких вещей. Тут и пригодятся вам наши советы.

На рисунке 1 показано, как складывать обувь в матерчатые и пластмассовые мешочки, которые можно повесить на внутреннюю сторону дверцы шкафа. Очень практичны металлические колодки для обуви, показанные на рисунке 2. Надеть на них обувь можно держать в какой-нибудь нише, на полке или в шкафу. На рисунке 3 приведена модель передвижной подставки в виде полки, где свободно поместится до пятнадцати пар обуви. На верхнюю полку кладутся щетки, ватки и другие принадлежности для чистки обуви. Полки задерживаются ситцевой занавеской.

Вешалка для рубашек и блуз, показанная на рисунке 4, даст возможность доставать и вешать каждую вещь, не снимая остальных.

ДЛЯ БУДУЩЕЙ МАТЕРИ

Имеют ли право на пособие по беременности и родам женщины, работающие на предприятиях и в учреждениях временно? — с таким вопросом обратилась в редакцию тов. Соломина из г. Загорска.

Оплачиваемый отпуск по беременности и родам предоставляется всем работницам и служащим, в том числе и временным. Но для этого требуется одно условие: чтобы отпуск наступил во время работы. Если же этот отпуск наступит после увольнения с работы, пособие не выдается.

Как оплачивается декретный отпуск молодым специалистам, только что окончившим учебное заведение? — интересуется тт. Иваницкая и Голубева из г. Горького.

Женщины — молодые специалисты, направленные по распределению на работу после окончания техникумов, институтов или аспирантуры, получают пособие с того дня, который назначен для явки на работу. Пособие в этом случае исчисляется из должностного оклада (ставки) по той должности (работе), на которую направлена специалистка.

Как оплачивается отпуск по беременности и родам учащимся техникумов, студентам вузов? — спрашивает тов. Петрова из г. Иванова.

За ними на все время отпуска по беременности и родам сохраняется стипендия, если они получали ее в течение семестра.

Учащиеся школ и курсов по повышению квалификации, по переквалификации и по подготовке кадров имеют право на пособие по беременности и родам, если перед поступлением в школу или на курсы они работали в качестве рабочих и служащих. Пособие исчисляется из заработной платы, сохраняемой за ними на период обучения, без учета стипендии.

Как оплачивается отпуск по беременности и родам, если женщина ко дню его наступления находится в очередном отпуске или в отпуске без сохранения содержания? — задает вопрос тов. Терлецкая из Оренбургской области.

Если декретный отпуск наступил тогда, когда женщина была в очередном или дополнительном отпуске, то с первого же дня дородового отпуска ей выплачивают пособие, а очередной или дополнительный отпуск продлевают по окончании послеродового отпуска. Если же отпуск по беременности совпал с отпуском без сохранения содержания, то пособие будет выдано только после окончания отпуска без сохранения содержания.

Как оплачивается больничный лист по беременности, если к моменту наступления декретного отпуска женщина освобождена от работы по временной нетрудоспособности? — просит разъяснить тов. Нарваева из г. Свердловска.

В этом случае больничный лист по временной нетрудоспособности должен быть закрыт и оплачен. С первого дня отпуска по беременности открывается новый больничный лист. Он оплачивается пособием по беременности и родам независимо от того, продолжается или прекратилась нетрудоспособность по болезни. Точно так же, если женщина заболет

Счастье матери. Фотоэтиюд И. Петнова.

ко дню окончания послеродового отпуска, со следующего дня ей выдается новый больничный лист по временной нетрудоспособности.

При выкидыше, наступившем до истечения 196 дней беременности, выдается пособие по временной нетрудоспособности, как при заболевании; после 196 дней предоставляется послеродовой отпуск и выплачивается пособие по родам на общих основаниях.

Как учитывается трудовой стаж при оплате отпуска по беременности и родам, если женщина перешла из одной организации в другую? — спрашивает тов. Батичева из пос. Радуль, Черниговской области.

В некоторых случаях перехода с одной работы на другую непрерывный стаж сохраняется, тогда его следует считать стажем «непрерывной работы на данном предприятии». От продолжительности этого стажа зависит и размер пособия по беременности и родам. Условия сохранения непрерывного стажа различаются в зависимости от причины увольнения. Вот почему необходимо следить за тем, чтобы записи в трудовой книжке о причинах увольнения вносились правильно.

При увольнении по собственному желанию стаж сохраняется, если женщина поступила на работу в течение месяца со дня увольнения. Если женщина переходит на работу в другую местность в связи с переводом туда мужа, непрерывный стаж сохраняется независимо от продолжительности перерыва в работе. Женщинам, оставившим прежнюю работу в связи с рождением ребенка, непрерывный стаж сохраняется, если они поступили на новую работу в течение 1 года со дня рождения ребенка.

Как исчисляются пособия? Отвечает на этот вопрос тов. Стороженко из г. Осинники и тов. Жикиной из пос. Микино, Кемеровской области.

Для исчисления пособия работницам со сдельной оплатой труда берется заработок за два полных календарных месяца перед уходом в отпуск по беременности и родам, работницам с помесеч-

ной оплатой труда — месячный оклад, который они получали ко дню наступления отпуска. Часто женщин перед отпуском по беременности переводят на более легкую работу. В этом случае пособие исчисляется из среднего заработка за последние шесть месяцев, сохраненного за ними в связи с таким переводом.

Бывает так, что у работницы из-за болезни нет заработка к началу отпуска по беременности. Пособие по беременности ей должно быть начислено из расчета того заработка, по которому исчислялось пособие по болезни.

Иногда пособия исчисляются по специальным правилам. Так, оплата за работу по совместительству в заработок при установлении размера пособия не включается. Однако, если работница по своей основной штатной работе не получает полного должностного оклада и из-за этого работает по совместительству, пособие ей исчисляют из общего заработка по обоим местам работы, но не более полного должностного оклада по основной должности.

Женщинам-учителям, преподавателям, воспитателям школ и средних специальных учебных заведений, работающим в одной школе или в одном техникуме, пособие по беременности и родам исчисляется из фактического заработка за все часы педагогической работы. В заработок включается и дополнительная оплата за работу, которая не считается совместительством (выполнение обязанностей классного руководителя, проверка письменных работ, заведование кабинетами и т. п.) Если же учительница работает в двух или более школах или техникумах, то при исчислении ей пособия по беременности и родам оплата за нагрузку в других учебных заведениях включается в общий заработок лишь в пределах полуротной тарифной ставки.

Женщинам, работающим нештатными преподавателями учебных заведений и курсов с почасовой оплатой, пособие выдается, если они работают в данном учебном заведении или на данных курсах постоянно. Пособие им исчисляется, исходя из оплаты за час.

Ю. ГРИГОРЬЕВ,
инструктор отдела ВЦСПС по
государственному социальному
страхованию.

МОДА

для полных

Ленинградский Дом моделей

Платье-костюм из шелковой ткани. Блуза слегка приталена, от левой вытачки заложены мягкие складки.

Автор Е. Жукова.

Платье-костюм из шелкового или шерстяного крепа. Воротник — подкройная планка с вышивкой нитками из ткани платья.

Автор Г. Шатникова.

Платье из крепа. Удлиненный лиф отделан защипками.

Автор В. Михайлова.

Платье из набивного или однотонного шелка. Односторонние складки на юбке заложены к середине, что делает фигуру зрительно стройнее.

Автор М. Евтушенко.

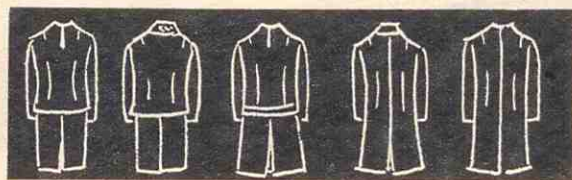
Платье из шерстяного крепа. Перед его в виде платья-костюма отделан легкой вышивкой из ниток ткани платья. Полочки заканчиваются брошкой.

Автор Н. Быстрова.

Зимнее пальто прямой формы. Воротник и шапочка из каракуля или другого меха с низким ворсом.

Автор Е. Буренкова.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

Сезон

вязаных кофт

Приучая своих детей к аккуратности, мы обычно говорим: «Пришел из школы — сразу переоденься». И сами мы, возвращаясь с работы, поступаем так же.

Особо бережного ухода требуют трикотажные вещи. Их не рекомендуется носить изо дня в день. Трикотаж легко растягивается, особенно у лонгет и на груди. Чтобы вязаная кофточка или свитер сохраняли свою первоначальную форму, время от времени им надо дать «отдохнуть».

Неумелая стирка портит шерстяные изделия. Помните, что шерсть никогда нельзя обдавать кипятком, стирать в горячей воде, кипятить: от этого она сваливается. Температура воды как при стирке, так и при полоскании не должна быть выше 20—30 градусов.

В хозяйственном мыле содержится щелочь, а она разъедает шерсть. Поэтому для стирки шерстяного трикотажа следует брать мыльную стружку или мыло «Детское», а еще лучше моющие порошки «Новость», «Рига» и т. п. (способ употребления указан на упаковке). Для смягчения слишком жесткой воды надо добавить немного столового уксуса (1 столовую ложку на литр воды) или трехпроцентного раствора марганцовокислого калия. Если вещь линяет, то на 3 литра воды добавляют стакан уксуса.

Чтобы петли на вязаных шерстяных жакетах не порвались и не потеряли форму, нужно перед стиркой зашить их крупными и не очень тугими стежками. После стирки и тщательного (в несколь-

ких водах) полоскания вещь слегка отжимают, не выкручивая, и кладут на чистую, лучше льняную подстилку. Сушат трикотаж при равной комнатной температуре. При сушке линяющих вещей между передом и спинкой прокладывают тонкую белую бумагу.

При стирке белых шерстяных вещей добавляют к воде немного нашатырного спирта, после стирки дважды прополаскивают в растворе гидросульфита (10 г на литр воды), а в последнюю, холодную воду добавляют чайную ложку столового уксуса. Сильно загрязненную вещь хорошо подержать час-два в подогретом до 15—20 градусов мыльном растворе.

Если белые шерстяные вещи приобрели желтоватый или сероватый оттенок, то можно отбелить их порошком «Персоль» (способ употребления указан на этикетке). Отбеливает шерсть и перениси водорода (столовая ложка перениси, чайная ложка нашатырного спирта на литр воды), а также гидроперит (пять таблеток растворить в литре теплой воды и добавить чайную ложку нашатырного спирта).

Вещи из ангорской шерсти стирают в теплом растворе мыльной стружки и после тщательного полоскания закатывают в хорошо впитывающую влагу ткань, которую меняют несколько раз. Досушивают вещь на воздухе, время от времени сильно встряхивая, и пока она еще чуть-чуть влажная, прочесывают чистой щеткой, сначала по ворсу, а затем против ворса.

Свалившуюся в результате неправильной стирки вязаную вещь исправить очень трудно. Но некоторые сорта шерсти поддаются частичному исправлению. Попробуйте подержать вещь сутки в мыльном растворе, добавив в него 3 столовых ложки нашатырного спирта, 1 ложку скипидара и 1 ложку винного спирта (на 10 литров воды).

Сняв шерстяную кофту, складывайте ее каждый раз так, как она была сложена при покупке, а потом поместите в бумажный или целлофановый мешочек. Сюда же можно положить завернутый в марлю черный перец — он предохранит шерсть от моли.

А. МАНТЕЙФЕЛЬ,
М. МАКОВЕР

На первой странице обложки: В. И. ЛЕНИН.

С картины художника И. Бродского.

На четвертой странице обложки: Цветы. Фотозюд Н. Маторина.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки платьев для полных.

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Я. Мирошниченко.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — А. Шагарина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79, отд. писем — Д 3-34-15.

А 00182. Подписано к печати 3/Х 1963 г. Тираж 4 200 000 экз. Зак. № 2079. Изд. № 1827. Форм. бум. 60×92½, 2,75 бум л.—5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КНИГА — ПОЧТОЙ

Магазин № 85 Москниги высылает наложенным платежом без задатка журналы мод и книги по моделированию одежды, составленные

ОТДЕЛОМ МОД ГУМа (Москва)

Альбом мод. 1963 г. Цена 2 рубля.

Модели одежды. 1963—1964 г. 2 выпуска в год. Цена 1 рубль.

Буклеты. Свыше 100 моделей с чертежами кроя помещены в серии из 24 альбомов малого формата. Каждый альбом состоит из 4 страниц и стоит 10 коп. На двух страницах помещены рисунки 4—5 моделей женской одежды, а на обороте — выкройки в уменьшенном масштабе и объяснение, как ими пользоваться. Цена серии 2 руб. 40 коп.

Детское платье с чертежами кроя. 1963 г. Цена 80 коп.

На каждый день. 1963 г. Цена 50 коп.

Модели ГУМа. 1963 г. Цена 30 коп.

Модно и практично. 1963 г. Цена 70 коп.

ЛЕНИНГРАДСКИМ ДОМОМ МОДЕЛЕЙ

Многокрасочный альбом мод. 1963 г. 12 выпусков в год. Цена выпуска 2 рубля.

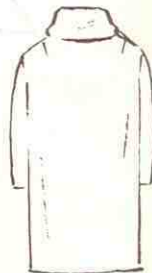
Моды для полных женщин. 1963 г. Цена 2 рубля.

Альбом мод с чертежами кроя. 1963 г. 12 выпусков в год. Цена выпуска 80 коп.

Модели детской одежды. 1963 г. Два выпуска в год. Цена выпуска 2 рубля.

Якушин М. Б. Переделка и комбинирование одежды. Госместпромиздат. 1963 г. Цена 1 руб. 20 коп.

Заказы направляйте по адресу: Москва, А-130, ул. Космодемьянских, 31, магазин № 85 Москниги. Отдел «Книга — почтой».

38
Цена номера 10 копеек.

Индекс 70770.

